

**СТАТЬЯ 1 ПРОТОКОЛА № 1
К ЕВРОПЕЙСКОЙ КОНВЕНЦИИ
О ЗАЩИТЕ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА И ОСНОВНЫХ СВОБОД:
ПРАВО НА СОБСТВЕННОСТЬ**

**Моника Карсс-Фриск,
королевский адвокат
Палаты Блэкстона, Лондон**

(перевод с английского кандидата юридических наук Власихина В.А)

Содержание

<u>Раздел</u>	<u>Стр.</u>
I Общий обзор	
II Объем права собственности	
III Анализ, основанный на трех нормах	
IV Обоснование вмешательства в право собственности	
V Другие вопросы	

I. ОБЩИЙ ОБЗОР

Вступление

1. Статья 1 Протокола № 1 к Европейской Конвенции о защите прав человека и основных свобод гарантирует **право собственности**¹.

2. В статье 1 устанавливается:

«Каждое физическое или юридическое лицо имеет право беспрепятственно пользоваться своим имуществом. Никто не может быть лишен своего имущества, иначе как в интересах общества и на условиях, предусмотренных законом и общими принципами международного права.

Преыдущие положения ни в коей мере не ущемляют права государства обеспечивать выполнение таких законов, какие ему представляются необходимыми для осуществления контроля за использованием собственности в соответствии с общими интересами или для обеспечения уплаты налогов или других сборов или штрафов».

3. Конвенция не является единственным международным документом по правам человека, в котором признавалось бы право собственности.² Включение этого права в Европейскую Конвенцию, однако, вызвало споры. Соединенное Королевство и Швеция, в частности, были обеспокоены тем, чтобы включение права собственности в Конвенцию не связало бы руки государства в деле реализации программ национализации промышленных предприятий, осуществлявшихся в политических и социальных целях.³ Формулировка, которая была, в конце концов, принята, предусматривает обусловленное право собственности⁴.

4. Соответственно рамки усмотрения государства⁵ при проведении социально-экономического курса, в результате которого допускается вмешательство в право собственности, довольно широки⁶. Но это не означает, что Европейский Суд по правам человека не играет никакой роли в оценке

¹ Решение Европейского Суда по правам человека по делу *Маркс против Бельгии* А 31 (1979).

² Всеобщая Декларация прав человека (статья 17) устанавливает, например, что:

«1. Каждый человек имеет право владеть имуществом как единолично, так и совместно с другими.

2. Никто не должен быть произвольно лишен своего имущества»

(сравните с Международным Пактом о гражданских и политических правах, в который данное право включено не было).

³ См.: *Harris, O'Boyle and Warbrick, Law of the European Convention on Human Rights* (1995), p. 516.

⁴ См., в частности, второй пункт статьи 1 Протокола № 1.

⁵ О концепции «рамок усмотрения государства» см. ниже пункт 94.

⁶ Решение Европейского Суда по правам человека по делу *Джеймс против Соединенного Королевства* А 98 (1986), пункт 46.

правомерности такого вмешательства. В своем решении по делу *Джеймс против Соединенного Королевства* Суд замечал⁷:

«...Хотя Суд не может заменять оценку национальных властей своей собственной оценкой, он обязан проверить предпринятую государством и оспоренную в Суде меру на предмет соответствия статье 1 Протокола № 1 и, осуществляя такую проверку, исследовать факты, в связи с которыми были предприняты действия национальных властей» (пункт 46).

5. В последние годы в особенности в Европейском Суде по правам человека было рассмотрено много дел, в решениях по которым Суд приходил к выводу, что государство выходило за рамки своего усмотрения и нарушало право собственности, гарантированное статьей 1 Протокола № 1⁸.

Широкий обзор права собственности

Объем права собственности

6. Первое, что необходимо помнить при изучении статьи 1 Протокола № 1, это то, что **концепция собственности или «имущества» толкуется очень широко**. Она включает в себя широкий спектр экономических интересов. Следующие объекты, как было установлено прецедентным правом, включены в сферу действия статьи 1: движимое и недвижимое имущество, материальные и нематериальные интересы, такие как акции, патенты, искомое решение арбитража, право на пенсию, право домовладельца на взыскание арендной платы, экономические интересы, связанные с ведением бизнеса, право заниматься той или иной профессией, правомерное ожидание применения определенных условий к индивидуальной ситуации, требующей правового разрешения, правопритязание и вопрос о посещении кинотеатра зрителями⁹.

7. Но гарантии статьи 1 Протокола № 1 не приводятся в действие, пока нет возможности заявить правопритязание на собственность, являющуюся предметом спора: правовой охране подлежит реально существующая собственность, а не право приобретать собственность в будущем. Из этого следует, что ожидание наследования собственности в будущем, например, не подлежит охране на основании статьи 1.

---

⁷ А 98 (1986).

⁸ См., например, решения Европейского Суда по правам человека по следующим делам: *Спорронг и Лоннрот против Швеции* А 52 (1982 год); *Хентрих против Франции* А 296-А (1994 год); *Святые монастыри против Греции* А 301-А (1994 год); *«Прессос Компания Навьера А.О.» против Бельгии* А 332 (1995 год); *Ака против Турции* 1998-VI (1998 год); *Папакелос против Греции* (25 марта 1999 года); *Брумареску против Румынии* (28 октября 1999 года); *«Имбиллиаре Сафи» против Италии* (28 октября 1999 года); *Спачек против Республики Чехия* (9 ноября 1999 года); *Бейлер против Италии* (5 января 2000 года); *Шассану против Франции* (29 апреля 2000 года); *Карбонара и Вентура против Италии* (30 мая 2000 года); *Бывший Король Греции и другие против Греции* (23 ноября 2000 года).

⁹ Детальное рассмотрение прецедентного права по данному вопросу содержится ниже, в пунктах 22—50.

8. Важно помнить, что корпоративные образования могут ссылаться на статью 1 в защиту своих прав и интересов наравне с физическими лицами¹⁰.

Три нормы

9. В прецедентном праве установлено, что статья 1 Протокола № 1 содержит три четких нормы. Такой анализ статьи впервые был предложен Европейским Судом по правам человека в своем решении по делу *Спорронг и Лоннрот против Швеции*¹¹. Это решение – одно из самых важных решений, принятых Судом на основе статьи 1 Протокола № 1.

10. Дело касалось весьма ценных видов недвижимого имущества (строения и земля) в центральной части Стокгольма в Швеции. Административный совет графства нашел, что эта недвижимость может быть востребована в виду планов городского развития и реконструкции, и возложил в отношении этой недвижимости два различных ограничения: разрешения на отчуждение, выданные муниципалитету (это означало, что в будущем собственность может быть отчуждена), и запрещения на строительство (это означало запрет на любые виды строительных работ на данном земельном участке). На одно из владений распространялось действие разрешения на отчуждение сроком в общей сложности 23 года и запрещение на строительство сроком на 25 лет. На другое владение распространялось действие разрешения на отчуждение сроком на 8 лет и запрещение на строительство сроком на 12 лет. В период действия данных ограничений, естественно, стало намного трудней продать владения. Ограничения были впоследствии сняты ввиду изменений в планах городского развития. Владельцы собственности обратились с жалобой в Европейский Суд по правам человека на нарушения своих прав, гарантированных статьей 1 Протокола № 1 к Конвенции. Они не получили никакой компенсации за тот период времени, когда на их владения распространялись соответствующие ограничения.

11. Первый вопрос, который должен был решить Суд, имело ли место вообще вмешательство в право собственности по смыслу статьи 1. Шведское правительство утверждало, что разрешения на отчуждение и запрещения на строительство были попросту неотъемлемым компонентом городского планирования и ни в коей мере не ущемляли права на беспрепятственное пользование своим имуществом. Суд, однако, сразу же отверг этот довод. Он отметил, что хотя юридически титул владельцев на их собственность (то есть право владения) оставался незатронутым, на практике возможность осуществления права собственности была существенно сужена. Суд заметил, что в силу действия разрешений на отчуждение право собственности заявителей становилось «условным и отменяемым».

Суд потому определил, что вмешательство в право собственности заявителей имело место. Затем Суд предложил свой анализ статьи 1 как образуемой тремя нормами:

«Эта статья [статья 1 Протокола № 1] включает в себя три четких нормы. Первая, которая является общей по своему характеру, утверждает принцип беспрепятственного пользования собственностью; он выражен в первом

¹⁰ Это ясно из слов, использованных в первой же строчке статьи 1: «Каждое физическое или юридическое лицо имеет право...» (*курсив автора*).

¹¹ А 52 (1982).

предложении первого абзаца. Вторая норма касается лишения имущества и оговаривает это рядом условий; она приведена во втором предложении того же абзаца. Третья норма признает, что государства-участники имеют право, среди прочего, контролировать использование собственности в соответствии с интересами общества, вводя такие законы, которые они считают необходимыми для этой цели; она содержится во втором абзаце (п. 61).

12. Суд затем рассмотрел вопрос, применима ли в данном случае вторая норма, и постановил, что здесь не было отчуждения или лишения собственности. С точки зрения закона заявители в любой период времени были вправе пользоваться владениями, продавать их, дарить и иным образом распоряжаться. И хотя стало труднее продать владения из-за ограничительных мер, составивших предмет спора, возможность продажи у заявителей все-таки существовала. Поэтому второе предложение первого абзаца (то есть вторая норма) не могла быть применена в данном деле.

13. Что же касается второго абзаца статьи 1 (то есть третьей нормы), то Суд постановил, что этот абзац, безусловно, применим к запрещениям на строительство, которые связаны с контролем за использованием собственности. Разрешения на отчуждения, с другой стороны, должны рассматриваться в контексте первого предложения первого абзаца (то есть первой нормы), поскольку они не представляли собой лишения имущества и не имели целью контролировать использование собственности.

Правовое обоснование:

допустимое вмешательство в право собственности

14. Когда принимается решение о том, что имеет место вмешательство в право собственности в контексте одной из трех норм статьи 1 Протокола № 1, вторым шагом становится решение вопроса о том, может ли такое вмешательство быть юридически обосновано государством. Если оно может быть обосновано (бремя доказывания в данном случае лежит на государстве), считается, что нарушения статьи 1 Протокола нет.

15. Для того чтобы быть обоснованным, любое вмешательство в право собственности должно преследовать **законную цель в интересах общества, во всеобщих интересах**¹².

16. Но того факта, что вмешательство в право собственности преследует законную цель, недостаточно. Такое вмешательство должно также быть соразмерным. В решении по делу *Спорронг и Лоннрот против Швеции* (см. выше) Суд сформулировал следующий важный принцип относительно обоснования вмешательства:

«...Суд должен определить, было ли соблюдено **справедливое равновесие** между требованиями интересов общества и необходимыми условиями защиты основных прав личности... Стремление к такому равновесию присуще Конвенции в целом и отражено также в структуре Статьи 1 [Протокола № 1]» (п. 69) *(выделено автором)*.

Применив данный подход, Суд установил, что в данном деле справедливое равновесие было нарушено. В своем другом важном изложении этого принципа,

¹² Решение Суда по делу *Джеймс против Соединенного Королевства*, А 98 (1986), п. 46.

на которое он неоднократно ссылался в своих последующих решениях, Суд заявил:

«Объединенные таким образом два типа мер создали ситуацию, нарушившую **справедливое равновесие**, которое должно существовать между защитой права собственности и требованиями общего интереса: собственники наследия Спорронг и г-жа Лоннрот несли особое и чрезмерное бремя, которое могло быть законным, если бы у них была возможность добиться сокращения сроков или возмещения убытков. Однако в то время шведское законодательство исключало подобные возможности и до сих пор исключает вторую из них» (п. 73) *(выделено автором)*.

17. Таким образом, в соответствующих спорах необходимо устанавливать, нарушает ли то или иное вмешательство в право собственности справедливое равновесие между защитой права собственности и требованиями общего интереса. Такой баланс нарушается в тех случаях, когда владельца частной собственности вынуждают нести «особое и чрезмерное бремя»¹³. Применение этих критериев рассматривается детально ниже¹⁴.

18. К вмешательству в право собственности применяется также требование **правовой определенности** или законности. Это требование прямо указано во втором предложении первого пункта статьи 1 Протокола № 1, в котором говорится, что лишение собственности производится не иначе как «на условиях, предусмотренных законом». Но принцип правовой определенности присущ Конвенции в целом и должен соблюдаться вместе с любой из трех норм статьи 1.

19. Принцип правовой определенности предполагает существование и соблюдение адекватно доступных и достаточно точно сформулированных внутригосударственных нормативных актов, которые удовлетворяют существенным требованиям концепции «закона». Иными словами, фраза «на условиях, предусмотренных законом» не ограничивается внутренним законодательством как таковым. Конвенция направлена на то, чтобы внутреннее законодательство само отвечало бы существенным требованиям «закона». Это включает справедливый и надлежащий порядок, а именно, чтобы оспариваемая мера устанавливалась бы и приводилась бы в исполнение надлежащим органом власти и не была бы произвольной¹⁵. Должны также существовать процессуальные гарантии против ненадлежащего использования полномочий государства. Принцип правовой определенности рассматривается ниже¹⁶.

Вопросы, которые надлежит ставить

20. Из вышеизложенного следует, что должны быть поставлены следующие, имеющие отношение к предмету спора вопросы при рассмотрении вопроса о том, имело ли место нарушение права собственности, гарантированное статьей 1 Протокола № 1:

¹³ Решение Суда по делу *Спорронг и Лоннрот против Швеции* А 52 (1982), п. 73.

¹⁴ См. ниже, пункты 89—148.

¹⁵ Решение Суда по делу *Винтерверп против Нидерландов* А 33 (1979).

¹⁶ См. ниже, пункты 149—162.

- (1) Наличествует ли в деле право собственности или право владения имуществом по смыслу статьи 1?
- (2) Имело ли место вмешательство в право владения имуществом?
- (3) В соответствии с какой из трех норм статьи 1 следует рассматривать такое вмешательство?
- (4) Преследует ли это вмешательство в право собственности какую-либо законную цель в интересах общества, во всеобщих интересах?
- (5) Является ли вмешательство соразмерным? Или иными словами, сохраняет ли это вмешательство справедливое равновесие между требованиями всеобщего интереса общества требованиями защиты основных прав личности?
- (6) Отвечает ли вмешательство принципу правовой определенности или законности?¹⁷

21. Если вмешательство в право собственности имело место, такое вмешательство несовместимо со статьей 1 Протокола № 1 в том случае, если ответом на любой из вопросов от (4) до (6) является «нет».

II. ОБЪЕМ ПРАВА СОБСТВЕННОСТИ

22. Как было указано выше, концепция того, что образует собственность или «имущество» по смыслу статьи 1 Протокола № 1, весьма широка. Целый спектр **экономических интересов** попадает в сферу действия права собственности, включая движимое и недвижимое имущество, материальные и нематериальные интересы.

23. То, что статья 1 применима к владению **акциями компании**, например, было признано Европейской Комиссией по правам человека в 1982 году по жалобам №№ 8588/79 и 8589/79 «*Брэймлид и Мальстром против Швеции*» (1982 год)¹⁸. Дело касалось двух лиц, которые владели акциями крупного известного универмага в Стокгольме, Швеция. В 1977 году был принят новый закон, «Акт о компаниях», который предписывал, что любая компания, владеющая более 90% акций и голосов в другой компании, вправе принудить оставшуюся меньшую часть акционеров продать ей свои акции по той же стоимости, которая была бы уплачена в случае публичной продажи акций или по иной, устанавливаемой в арбитражном порядке, стоимости. Акционеры из числа меньшинства обратились в Комиссию с жалобой по поводу применения нового закона в их отношении. Они утверждали, что им пришлось отказаться от своих

---

¹⁷ В решении по делу *Иатридис против Греции* (25 марта 1999 года), Европейский Суд по правам человека подчеркнул важность этого требования и заявил, что это первый вопрос, который необходимо ставить, поскольку если вмешательство не было правомерным, оно не могло быть совместимым со статьей 1 Протокола № 1 (пункт 58). Это требование, однако, в данном перечне было приведено в качестве последнего вопроса потому, что по большинству дел предполагается, что первыми ставятся вопросы о правомерности целей вмешательства и его соразмерности.

¹⁸ См. жалобу № 12633/87 «*Смит Клайн и компания “Французские лаборатории” против Нидерландов*» (1990 год) относительно признания того факта, что статья 1 Протокола № 1 может применяться в отношении обладания патентом.

акций в пользу большинства акционеров, продав их по стоимости ниже рыночной (стоимость акций была установлена в арбитражном порядке).

24. Комиссия сначала рассмотрела вопрос о том, могут ли акции считаться «имуществом» по смыслу статьи 1 Протокола № 1. Комиссия изучила сложность сути акции: это сертификат, удостоверяющий, что его владелец обещает долю участия в собственности компании и наделяется соответствующими правами (в особенности правом голоса). Она также предполагала косвенное правопритязание на средства компании. По данному делу не возникало сомнений в том, что акции имели экономическую ценность, Посему Комиссия посчитала, что акции являлись «имуществом» по смыслу статьи 1.

25. По вопросу о том, какая из трех норм статьи 1 могла быть применена в этом деле, Комиссия сочла, что применение «Акта о компаниях» в отношении акций меньшинства акционеров не подпадало под действие второй нормы, «о лишении собственности», а на том, чтобы оно считалось подпадавшим, настаивали заявители. Комиссия указала, что хотя в статье 1 нет прямого упоминания «отчуждения собственности», ее словесные формулировки явно свидетельствуют о том, что вторая норма имела в виду отчуждение собственности, то есть действие, коим государство прибирает к рукам – или уполномочивает третью сторону прибрать к рукам – конкретный вид собственности с какой-либо целью в интересах общества. Такое толкование было подтверждено в *travaux préparatoires* по статье 1. Комиссия сочла, что обжалуемый закон представлял собой нечто совсем другое. Он касался отношений между частными лицами. Тем самым второе предложение не могло быть применено.

26. Комиссия затем отметила, что во всех государствах-участниках Конвенции законодательство, регулирующее частные правоотношения между частными лицами, включает нормы, которые определяют влияние этих правоотношений на собственность и, в некоторых случаях, принуждают то или иное лицо отказаться от права на имущество в пользу другого лица. Примеры тому включают раздел имущества, перешедшего по наследству, в особенности собственности сельскохозяйственного назначения, раздел имущества супругов и, в частности, арест и продажа имущества в ходе исполнения судебного решения. Комиссия сочла, что такого рода норма, являющаяся важной в обществе, построенном на принципах либерализма, в принципе не может считаться противоречащей статье 1 Протокола № 1. Но Комиссия, тем не менее, должна была заверить, что при определении влияния на собственность правоотношений между частными лицами закон не создает такое неравенство, при котором одно лицо могло быть произвольно и несправедливо лишено собственности в пользу другого. В рассматривавшемся случае она не усмотрела такого неравенства.

27. Решение по делу «*Брэймлид и Мальстром против Швеции*» (см. выше) было важным не только потому, что им было признано, что владение акциями подпадает под охрану статьи 1 Протокола № 1, но также потому, что им ясно указывалось, что эта статья вполне может быть применена к законодательству, которое затрагивает **правоотношения между частными лицами**.

28. По делу, рассмотренному относительно недавно, *Греческие нефтеперерабатывающие заводы «Стрэн» против Греции*¹⁹, Европейский Суд по правам человека постановил, что **арбитражное решение** является «имуществом» для целей применения статьи 1 Протокола № 1. Г-н Андреадис в 1972 году заключил контракт с государством (в то время находившимся под контролем военной диктатуры) на строительство компанией «Стрэн», которой он владел, нефтеочистительного предприятия под Афинами в Греции. Стоимость контракта должна была быть около 76 миллионов долларов. Государство ратифицировало контракт законодательным декретом, но впоследствии не выполнило свою часть обязательств по сделке. С восстановлением демократии в Греции государство посчитало контракт противоречащим интересам национальной экономики и расторгло его в одностороннем порядке. Компания «Стрэн» понесла большие расходы до расторжения контракта. Возник спор, и компания «Стрэн» возбудила в Афинах исковое производство против государства. Государство утверждало, что спор не был подсуден афинскому суду, и что дело подлежит рассмотрению в арбитражном порядке. Государство назначило арбитражный суд и ходатайствовало перед ним о признании всех правопритязаний компании «Стрэн» необоснованными. Но вместо этого арбитражный суд решил спор в пользу компании «Стрэн», предписав государству выплатить компании «Стрэн» 16 миллионов долларов. Государство затем обратилось в суд общей юрисдикции с ходатайством об отмене арбитражного решения на том основании, что спор не был в подсудности арбитражного суда. Государство проиграло спор в апелляционном суде. Пока дело находилось в производстве кассационного суда, государство в 1987 году приняло новый закон, в результате которого арбитражное решение в пользу компании «Стрэн» считалось недействительным и не подлежащим исполнению. Компания «Стрэн» и г-н Андреадис обратились с жалобой в страсбургские органы, основывая свое обращение *inter alia* статьей 1 Протокола № 1 к Конвенции.

29. Большая часть слушаний по этому делу в Европейском Суде по правам человека касалась статьи 6 Конвенции. В отношении же статьи 1 Протокола № 1 государство приводило тот довод, что никакое «имущество», подпадающее под действие статьи 1, не стало объектом вмешательства. Оно утверждало, что арбитражное решение не могло быть приравнено к праву, которое могло бы быть признано таким решением. Суд заключил, что ему следует решить, вытекал ли из арбитражного решения долг в пользу компании «Стрэн», возможность исполнения которого была установлена в достаточной степени. Суд пришел к заключению, что таковой долг вытекал из этого решения. Арбитражное решение само по себе было окончательным и обязательным. Оно не требовало применения каких-либо дополнительных принудительных мер и не подлежало обычному или особому обжалованию. У компании «Стрэн» потому было право собственности, подпадающее под действие статьи 1 Протокола № 1 на момент принятия аннулирующего закона в 1987 году.

30. Дело *«Прессос Компания Навьера А.О.» против Бельгии*²⁰ является несколько сходным – решение по нему также демонстрирует широту концепции собственности или «имущества». Это еще одно дело, касающееся правопритязания. Заявители по этому делу были судовладельцы, суда которых

---

¹⁹ А 301-В (1994 год).

²⁰ А 332 (1995 год).

были объектами столкновений в территориальных водах Бельгии. Судовладельцы считали, что столкновения имели место в результате халатности бельгийских лоцманов (за действия которых в соответствии с бельгийским законом ответственность несло государство), и возбудили исковое производство против государства. Законом от 30 августа 1988 года бельгийское законодательное собрание устранило ответственность за причинение ущерба в случаях, аналогичных тому, что стал предметом спора.

31. Судовладельцы заявили жалобу в порядке статьи 1 Протокола № 1, утверждая, что их право собственности было нарушено. Государство же оспаривало утверждение, что у заявителей наличествовало какое-либо правопритязание, которое может считаться «имуществом», и заявляло, что у них не было правопритязаний, имеющих преюдициальный характер, которые были установлены окончательным судебным решением.

32. Европейский Суд по правам человека заявил, что хотя концепция «имущества» имеет автономное значение²¹, Суд может изучить вопрос с точки зрения внутреннего (бельгийского) права. Он заметил, что в соответствии с бельгийским законодательством требования о возмещении ущерба, причиненного в результате деликта, возникают одновременно с причинением ущерба. Такое **требование образует «актив»** и потому может считаться «имуществом» в смысле статьи 1 Протокола № 1. К тому же, основываясь на судебных решениях, вынесенных до принятия Закона 1988 года, заявители могли правомерно ожидать, что их требования будут определены в соответствии с общими нормами деликтного права.

33. Закон 1988 года был признан формой вмешательства в право собственности, поскольку он не давал заявителям возможности пользоваться правами, которыми они были наделены до принятия этого закона.

34. Другое дело, иллюстрирующее широту действия статьи 1 Протокола № 1, является дело *Компания «Пайн Велли девелопментс Лтд.» против Ирландии*²², по которому Европейский Суд по правам человека постановил, что статья 1 может защищать **правомерное ожидание** наступления определенных обстоятельств. Согласно фактам этого дела, заявитель приобрел земельный участок в 1978 году, полагаясь на существующее пожалование разрешения на план-проспект промышленной застройки. Впоследствии, в 1982 году, Верховный Суд Ирландии постановил, что первоначальное пожалование разрешения на план-проспект промышленной застройки было *ultra vires* и представляло собой ничтожное действие *ab initio*, поскольку оно противоречило соответствующему законодательству. Заявитель утверждал, что решение Верховного Суда вступило в противоречие с его правом собственности, гарантированным статьей 1 Протокола № 1.

35. Суд, прежде всего, задался вопросом, располагал ли вообще заявитель каким-либо правом на застройку земли, которое могло бы стать объектом вмешательства по смыслу статьи 1, с учетом решения Верховного Суда,

---

²¹ То есть оно не зависит от того, как внутреннее право соответствующего государства определяет, что может считаться правом собственности или правом пользоваться «имуществом».

²² А 222 (1991 год).

которое означало, что с точки зрения ирландского права у него такового права не было. Суд постановил, что таким правом он располагал, потому что, когда он приобретал землю, он приобретал ее, полагаясь на разрешение, надлежащим образом зарегистрированное в государственном реестре, которое он был вправе считать действительным. Суд указал, что при таких обстоятельствах было бы «ненадлежащим формализмом» полагать, что решение Верховного Суда не образовывало вмешательство в право собственности заявителя²³. До принятия этого решения заявитель мог правомерно ожидать, что он мог осуществлять предлагаемую застройку, и это ожидание должно считаться для целей применения статьи 1 Протокола № 1 компонентом собственности (то есть земли) как объекта рассматриваемого спора.

36. В решении по делу *Ван Марле против Нидерландов*²⁴, Европейский Суд по правам человека должен был установить, может ли клиентура компании, оказывающей услуги в сфере своей профессиональной деятельности, быть объектом защиты статьи 1 Протокола № 1. Заявители на протяжении нескольких лет оказывали бухгалтерские услуги, пока в 1972 году не был принят новый закон, который установил требование, в соответствии с которым им для того, чтобы продолжать свою деятельность, необходимо было зарегистрироваться в Совете по выдаче разрешений. Они подали заявление о регистрации, в которой им было отказано в 1977 году. После собеседования в Совете по апелляциям, куда они подали жалобу на отказ, в жалобе было отказано. Совет посчитал, что их ответы на вопросы во время собеседования были неудовлетворительны и что они не продемонстрировали достаточной профессиональной компетентности. Заявители утверждали, что решение Совета противоречит статье 1 Протокола № 1, поскольку в результате его принятия их доходы от бухгалтерской деятельности и стоимость деловой репутации снизились. Они заявляли, что решение Совета представляло собой вмешательство в право беспрепятственно пользоваться своим имуществом и что они были частично лишены своего имущества без возмещения.

37. Государство утверждало, что у заявителей не было «имущества» в значении статьи 1, но Суд не согласился с этим. Он постановил, что право, из наличия которого они исходили, «может быть уподоблено праву собственности», воплощенному в статье 1. Посредством трудов собственных заявители выстроили себе клиентуру; это во многих отношениях имеет характер права частного лица и составляет актив, а тем самым и «имущество».

38. Далее, отказ в регистрации заявителей радикальным образом повлиял на условия их профессиональной деятельности, и сфера этой деятельности сузилась. Их доходы упали, сократилось число клиентов, и в целом дело пришло в упадок. Следовательно, вмешательство в их право беспрепятственно пользоваться своим имуществом имело место.

39. Решение Суда по делу *Тре Тракторер АБ против Швеции* А 159 (1989)²⁵ является другим примером применения статьи 1 Протокола № 1 в отношении экономических интересов, связанных с ведением предпринимательской деятельности. Заявителем по делу выступила шведская

---

²³ Пункт 51 решения.

²⁴ А 101 (1986 год).

²⁵ А 101 (1986 год).

компания с ограниченной ответственностью. В 1980 году она приобрела права управления рестораном «Ле Кардинал». До того у ресторана имелась выданная ему лицензия на обслуживание алкогольными напитками. Возникли сомнения по поводу налоговых дел дамы, стоявшей за компанией-заявительницей, и вообще способности этой дамы управлять рестораном. В июле 1983 года, Административный Совет графства принял решение отозвать лицензию, вступившее в силу немедленно после принятия. Компания указала, что в результате ресторан пришлось закрыть прямо на следующий день (хотя этот факт оспаривался представителем государства). Апелляция в следующую административную инстанцию была отклонена, равно как и исковое требование к Правительству о возмещении ущерба, причиненного отзывом лицензии.

40. Заявители обратились с жалобой в Европейский Суд по правам человека, ссылаясь на статью 6 и на статью 1 Протокола № 1 к Конвенции. Что касается последнего, государство утверждало, что лицензия на обслуживание алкогольными напитками не могла представлять собой «имущество» для целей статьи 1. Но Суд, как и Комиссия, счел, что **«экономические интересы, связанные с» содержанием ресторана являлись «имуществом» для таковых целей.** Обладание лицензией было одним из главных условий ведения бизнеса компании заявителя, и ее отзыв отрицательно сказался на деловой репутации и стоимости ресторана. Такой отзыв представляет собой вмешательство в право беспрепятственно пользоваться своим имуществом.

41. Суд затем изложил три нормы статьи 1. Он заявил, что вмешательство в право собственности в данном случае, каким суровым оно ни было бы, не попадало в сферу действия второго предложения первого параграфа. Компания-заявитель, хотя она больше не могла эксплуатировать «Ле Кардинал» как ресторан, тем не менее, сохраняла некоторые экономические интересы, выразившиеся в том, что она могла сдавать помещения и содержащиеся в них материальные ценности в аренду, каковые она, в конце концов, продала в 1984 году. Потому не было лишения собственности в значении второй нормы. Отзыв лицензии был поэтому мерой контроля над использованием собственности, укладывающейся в рамки второго пункта статьи 1.

42. Такой же подход к интересам предпринимательства как к «имуществу» был взят на вооружение Судом в решении по недавно рассмотренному делу *Иатридис против Греции* (25 марта 1999 года). По данному делу г-н К.Н. получил в наследство недвижимость в Греции, на участке которой он решил построить кинотеатр под открытым небом (получив на то от властей необходимое разрешение). Впоследствии возник спор относительно права собственности на землю, на которой был построен кинотеатр, и государство заявило свое требование на него. Несмотря на это, в 1976 году государство также потребовало от наследников К.Н. уплаты налога на наследство, Спор о праве владения землей продолжался, и в 1978 наследники К.Н. сдали кинотеатр в аренду заявителю, который реставрировал его. В 1989 году власти издали распоряжение выдворить заявителя из владения. Соответствующий ордер был исполнен в принудительном порядке, и кинотеатр был передан местному городскому совету.

43. По вопросу о том, владел ли заявитель каким-либо «имуществом» в значении статьи 1 Протокола № 1, Суд подтвердил, что концепция «имущества», упомянутого в статье 1, имеет автономное значение, которое не замыкается

владением вещественными объектами; определенные иные права и интересы, образующие активы также могут считаться «имущественными правами», а тем самым и «имуществом» в значении статьи 1 Протокола № 1²⁶.

44. Суд ясно дал понять, что он не может разрешить спор относительно того, кто владеет землей, на основе внутреннего права, но отметил, что до того, как заявитель был выдворен из владения, он был ответственен за эксплуатацию кинотеатра в соответствии с договором аренды, который был официально действителен, без какого-либо вмешательства со стороны властей; в результате таковой деятельности заявителя он создал себе **клиентуру, которая образует актив**.

45. Суд затем изложил три нормы статьи 1. Поскольку заявитель арендовал помещение, не было ни отчуждения имущества, ни случая осуществления контроля за использованием собственности, но имело место вмешательство в право собственности в значении первой нормы статьи 1.

46. В решении по делу *Меллахер против Австрии*²⁷, Суд должен был изучить вопрос о наличии вмешательства **в право домовладельца на получение арендной платы, оговоренной в контракте**²⁸. Заявители на правах совместной собственности имели большой дом в городе Граце, Австрия, квартиры в котором сдавались жильцам. Система контроля арендной платы за жилье существовала в Австрии со времен Первой Мировой войны. Но эта система не распространялась на дома, построенные после 1917 года, или на квартиры некоторых категорий. После острых дебатов в 1981 году был принят новый Закон об арендной плате, внесший повсеместные изменения в систему оплаты жилья. На заявителях Закон отразился таким образом, что были резко снижена арендная плата за жилье по сравнению с той, которую они должны были получать по заключенным на тот момент договорам об аренде жилья. Они заявили жалобу на то, что законодательство нарушило их свободу контракта и право на получение арендной платы в будущем. Существовавшие ставки арендной платы были согласованы в договорах в соответствии со старым законодательством.

47. В Суде не оспаривалось то, что снижение арендной платы за жилье, осуществленное на основании Закона 1981 года, образовывало вмешательство в право собственности заявителей как владельцев дома. Заявители утверждали, что произошедшее было *de facto* отчуждение их собственности (дома) и что во всяком случае они были лишены своего оговоренного в контракте права на получение арендной платы. Суд решил, что в данном случае не было *de facto* отчуждения собственности, так как не было передачи собственности заявителям, они не были лишены своего права пользоваться ей, сдавать внаем или продавать. В результате принятия Закона 1981 года, как это признавалось в Суде, они были лишены части своего дохода от собственности, При данных обстоятельствах дела это могло считаться контролем за использованием собственности.

---

²⁶ Пункт 54 решения.

²⁷ А 169 (1989 год).

²⁸ См. также: заявление № 10741/84 *S против Соединенного Королевства* (1984 год), при рассмотрении которого Комиссия сочла, что статья 1 Протокола № 1 применима к выгоде, проистекающей из договора с ограничительными условиями и права на получение ежегодной арендной платы.

48. Право на получение пенсии также потенциально может стать объектом защиты по статье 1 Протокола № 1. Этот вопрос был предметом рассмотрения в одном из ранних решений Европейской Комиссии по правам человека по заявлению № 5849/72 *Мюллер против Австрии* (1975 год). Долгие годы г-н Мюллер работал слесарем в Австрии и Люксембурге, делая добровольные и обязательные взносы в одну из государственных программ пенсионного обеспечения по старости. В результате действия договора, заключенного между Австрией и Люксембургом, часть его взносов больше не стала учитываться в счет будущей основной пенсии, а только в счет дополнительной пенсии. Это означало, что когда в 1970 году подошло время выхода г-на Мюллера на пенсию, он не получил пенсии в том размере, в каком он рассчитывал. Он утверждал, что исполнение договора в отношении его случая было связано с нарушением его права собственности, гарантированного статьей 1 Протокола № 1.

49. При рассмотрении его доводов Европейская Комиссия по правам человека четко указала, что право на пенсию по старости не включено как таковое в число прав, предусмотренных Конвенцией. Но Комиссия решила, что выплата обязательных взносов в пенсионный фонд может создать право собственности в определенной части такового фонда и что такое право может быть затронуто тем, как распределяются средства фонда. Комиссия была также готова принять в качестве предпосылки – не принимая решения по вопросу – то, что добровольные пенсионные взносы равным образом могли бы образовать право, гарантируемое статьей 1 Протокола № 1.

50. В результате рассмотрения заявления Комиссия отклонила правопритязания г-на Мюллера на том основании, что статья 1, хотя и могла бы гарантировать право человека на извлечение выгоды, ее нельзя толковать как предоставляющую этому человеку право требовать конкретную сумму. Но решение это важно в том смысле, что оно показывает, что пенсионные права, основанные на взносах лица в пенсионный фонд, могут подлежать защите статьи 1. Это конечно не означает, что статья 1 Протокола № 1 гарантирует право на пенсию или социальное страхование в тех случаях, когда внутреннее законодательство не содержит оснований для такого рода выплат.

«Автономная» концепция того, что образует «имущество»

51. Важно помнить, что для приведения в действие статьи 1 Протокола № 1 совсем необязательно, чтобы соответствующий интерес личности признавался бы правом собственности по внутреннему законодательству той или иной страны – концепция «имущества» имеет автономное значение для целей Конвенции.

52. Хорошим примером в этом смысле является решение Суда по делу *Тре Тракторер АБ против Швеции*²⁹, в котором (как указано выше) Суд признал, что устоявшиеся экономические интересы, связанные с ведением какой-либо предпринимательской деятельности, могут защищаться статьей 1 Протокола № 1.

53. Но для того, чтобы требовать применения по своему делу гарантий статьи 1, лицо должно располагать неким правом по внутреннему

---

²⁹ А 159 (1989 год), пункт 53 решения; см. выше, пункты 29—441.

законодательству его страны, которое может быть сочтено правом собственности с точки зрения Конвенции. Это иллюстрируется решением Европейской Комиссии по правам человека по заявлению № 11716/85 *С. против Соединенного Королевства* (1986 год), в котором Комиссия установила, что занятие собственности без надлежащего законного права не подлежит защите по статье 1 Протокола № 1.

54. По данному делу женщина долгие годы жила как «муж с женой» с другой женщиной. Та другая женщина была нанимателем жилья у местной власти, но у заявительницы не было юридического права имущественного найма. Когда ее сожительница – наниматель имущества – скончалась, заявительница обратилась в английский суд с иском о признании за ней как за сожительницей умершей права имущественного найма. Но английский суд постановил, что закон не разрешает этого: только переживший супруг гетеросексуальной супружеской пары мог претендовать на передачу права имущественного найма. В производстве перед Европейской Комиссией по правам человека заявительница основывала свои требования преимущественно статьей 8, но ссылаясь также и на статью 1 Протокола № 1. Комиссия отказала в этом требовании сразу же. Она указала, что у заявительницы не имелось права, вытекающего из условий контракта, и тот факт, что она проживала в доме, не означало, что она владела каким-либо «имуществом» в значении статьи 1 Протокола № 1.

Отсутствие гарантий права на приобретение собственности в будущем

55. Защита статьи 1 Протокола № 1 распространяется только на те случаи, когда возможно предъявить требования в отношении соответствующей собственности. **Статья 1 не охраняет право приобретать собственность.**

56. Этот принцип может быть проиллюстрирован решением Суда по делу *Маркс против Бельгии*³⁰. По этому делу заявительница и ее малолетняя дочь жаловались на то обстоятельство, что определенные аспекты законов Бельгии, регулирующих статус внебрачных детей, включая то обстоятельство, что материнство устанавливается лишь официальным актом признания материнства, и наличие ограничений на право матери на распорядиться своим имуществом в пользу дочери, равно как и ограничения на право ребенка, рожденного вне брака, наследовать имущество, образуют вмешательство в их право собственности, воспрещаемое статьей 1 Протокола № 1 (в сочетании со статьей 14³¹). (Были

³⁰ А 31 (1979). Сравните с решением Суда по делу *Инце против Австрии* А 126 (1987 год). По этому делу заявитель, внебрачный ребенок, жаловался на то, что ему не было разрешено вступить во владение фермой, принадлежавшей его матери (как старшему сыну), как он вступил бы, будь он рожден в браке. Он утверждал, что имело место нарушение статьи 1 Протокола № 1, увязанной в ее прочтении со статьей 14 Конвенции. Государство ссылалось на решение Суда по делу *Маркса*, утверждая, что статья 1 Протокола № 1 вообще не имеет отношения к данному спору. Но Суд отверг этот довод. Он провел различие между делом *Маркса* и данным делом ввиду того обстоятельства, что если дело *Маркса* касалось потенциального права наследования, то в данном деле заявитель фактически уже унаследовал долю фермы, и в его заявлении обжаловалось то, что ему запретили наследовать в таком объеме, в каком ему надлежало бы наследовать, будь он ребенком, рожденным в законном браке.

³¹ Статья 14 Конвенции запрещает дискриминацию в отношении пользования правами и свободами, гарантированными Конвенцией; см. ниже, пункты 163—166.

заявлены и иные требования, в частности на основе статьи 8³²).

57. Европейский Суд по правам человека постановил, что статья 1 Протокола № 1 вообще не применяется к дочери, отметив, что эта статья просто провозглашает право любого лица беспрепятственно пользоваться «своим» имуществом, и что, следовательно, она применима только в отношении уже существующего имущества лица и не гарантирует право на приобретение имущества путем наследования по закону или прижизненного распоряжения.

58. Такой же принцип был применен при принятии решения по заявлению № 8410/78 *X. против Федеративной Республики Германии* (1979 год). По этому делу заявитель был нотариусом, работавшим в Германии. Он обжаловал то обстоятельство, что германское законодательство возлагало на него обязанность снижать ставку оплаты своих услуг при составлении нотариальных документов для некоторых категорий клиентов, таких как университеты, церкви и иные некоммерческие организации. Сумма скидки достигала 80% от ставок оплаты услуг, которые он был вправе назначать в соответствии с ранее действовавшими нормативными актами относительно ставок вознаграждения нотариусам. Он заявил требование со ссылкой *inter alia* на статью 1 Протокола № 1. Европейская Комиссия по правам человека отказала в жалобе быстро. Комиссия заявила, что требование нотариуса касательно ставок оплаты услуг мог бы считаться имуществом только в том случае, если такое требование возникло бы в связи с конкретным вопросом, на основании услуг, реально предоставленных, и на основе существующих нормативных актов, регламентирующих ставки нотариусов. Простое ожидание того, что нормативные акты, регламентирующие ставки нотариусов, не изменятся, не может считаться правом собственности.

Собственность юридических лиц

59. Защитой статьи 1 Протокола № 1 могут пользоваться не только физические лица – на корпоративные образования также распространяются гарантии права собственности. Это ясно из формулировок статьи 1, которая упоминает «каждое физическое или *юридическое* лицо» (курсив автора).

60. Из этого следует, что компании могут предъявлять свои требования в связи с вмешательством в их право собственности. Но акционеры не вправе по общему правилу предъявлять притязания, обосновываемые ущербом, причиненном компании. «Нарушение целостности корпоративного одеяния» может быть допущено только в исключительных случаях, например, когда компания не в состоянии заявить требования через свои органы или ликвидаторов.

61. Этот принцип иллюстрируется решением Суда по делу *Агротексим против Греции*.³³ По этому делу заявителями выступили компании, владевшие акциями пивоваренного предприятия в Афинах. Это предприятие решило – с целью решить определенные финансовые проблемы – застроить для эксплуатации две свои территории. Но Совет Афин решил принять меры, нацеленные на отчуждение земли. Затем пивоваренное предприятие начало ликвидироваться, и были назначены ликвидаторы. Акционеры-заявители обратились в Европейскую Комиссию по правам человека с жалобой на то, что меры по отчуждению

³² Статья 8 Конвенции защищает право на уважение личной и семейной жизни.

³³ А 330-А (1995 год).

предпринимались в нарушение статьи 1 Протокола № 1.

62. Государство в предварительном порядке заняло позицию, состоявшую в том, что заявители как акционеры не были жертвами какого-либо нарушения права собственности компании. Комиссия постановила, что они могли быть жертвами, принимая во внимание в частности тот факт, что вмешательство в права пивоваренного предприятия вылилось в снижение стоимости его акций, снизив тем самым стоимость совокупного участия акционеров. Но Суд не согласился с этим. Он высказался против той идеи, что акционер вообще может предъявлять требования в связи с нарушениями прав собственности компании. Он указал на тот факт, что разногласия между акционерами и правлением компании или между самими акционерами – явление частое. Такие разногласия могут вызывать трудности, что касается какого-либо нарушения прав компании. Если следовать позиции Комиссии, то возникает риск – ввиду противоречия интересов – создания трудностей при определении, кто имеет право на требование. Такая позиция создала бы также действительные проблемы в решении вопроса об исчерпанности внутригосударственных средств правовой защиты³⁴, поскольку в государствах-участниках Конвенции акционеры обычно не располагают правом предъявлять иски в отношении нарушений прав компании.

63. Суд потому постановил, что «нарушение целостности корпоративного одеяния» – или игнорирование статуса компании как юридического лица – юридически оправдывается только в исключительных обстоятельствах, в частности, когда четко установлено, что компания не может заявить правопритязания через органы, учрежденные на основании устава корпорации, или – в случае ликвидации компании – через ее ликвидаторов. По данному делу не существовало юридических препятствий для заявления требований, и никто не предъявлял к ним претензий по части ненадлежащего исполнения ими своих функций. Требования заявителей, основанные на такой предварительной позиции, были отклонены³⁵.

III. ТРИ НОРМЫ

64. Мы видели, что Европейский Суд по правам человека подошел к анализу статьи 1 Протокола № 1 как содержащей три четких нормы. Такого рода подход впервые был предложен в решении Суда по делу *Спорронг и Лоннрот против Швеции*³⁶, и был подтвержден неоднократно вновь в последующих решениях Суда. Этими тремя нормами являются:

---

³⁴ Статья 35 Конвенции устанавливает требование о том, что для принятия заявления к рассмотрению Европейским Судом по правам человека, необходимо, чтобы заявитель исчерпал все внутригосударственные средства правовой защиты.

³⁵ Решение Суда по делу *Агротексим против Греции* отличается от определенных решений Комиссии, принятых ранее, в той части, что касается возможности признания акционера, владеющего существенным большинством акций, жертвой ущерба, причиненного компании, в контексте статьи 1 Протокола № 1. См. заявление № 9266/81 *Ярроу против Соединенного Королевства* (1983 год).

³⁶ А 52 (1982 год); см. выше, пункты 9—13.

- (1) принцип беспрепятственного пользования своим имуществом (первое предложение первого пункта);
- (2) лишение имущества (второе предложение первого пункта); и
- (3) контроля за использованием собственности (второй пункт).

65. Рассмотрим сначала вторую и третью нормы, а затем первую.

Вторая норма

66. Для того, чтобы решить, имело ли место **лишение собственности** в значении второй нормы, необходимо не только исследовать, имело ли место отчуждение по формальным признакам или передача собственности³⁷, но также исследовать реальные обстоятельства в данной ситуации с тем, чтобы определить, имело ли место изъятие собственности *de facto*.

67. О необходимости такой оценки было четко заявлено в решении Суда по делу *Спорронг и Лоннрот против Швеции*³⁸, которое касалось издания разрешений на отчуждение и запрещений на строительство на участках земли в Стокгольме, Швеции³⁹; Суд в решении заметил:

«Поскольку реального отчуждения, то есть передачи собственности, не было, Суд считает, что он должен рассмотреть конкретные обстоятельства обжалуемой ситуации ... Поскольку Конвенция имеет своей целью гарантировать права, которые являются «реальными и эффективными» ... следует установить, действительно ли ситуация была равносильна отчуждению *de facto*, как утверждали заявители» (п. 63)⁴⁰.

68. Этот подход к вопросу о том, что образует изъятие собственности, совпадает с подходом, принятым в общем международном праве, состоящим в том, что «...меры, предпринимаемые государством, могут представлять собой вмешательство в права собственности в такой степени, что эти права становятся настолько бесполезными, что они должны считаться отчужденными, хотя государство даже не намеревается отчуждать их, и правовой титул на собственность формально сохраняется за первоначальным владельцем»⁴¹.

³⁷ Для примера формальной передачи владения в нарушение второй нормы статьи 1 Протокола № 1, см. решение Европейского Суда по правам человека по делу *Бывший Король Греции и другие против Греции* от 23 ноября 2000 года.

³⁸ А 52 (1982 год).

³⁹ Суммарное изложение фактов по данному делу содержится выше, в пункте 10. В решении по этому делу, Суд отверг тот аргумент, что вторая норма статьи 1 Протокола № 1 применима, поскольку не было юридического лишения собственности и отчуждения *de facto*, по той причине, что заявители реально сумели продать свою собственность, хотя это было труднее сделать ввиду обжалованных в Суд мер.

⁴⁰ См. также решения Суда по делам *Джеймс против Соединенного Королевства* А 98 (1986 год), п. 38 и *Хентрих против Франции* А 296-А (1994), пункты 34-35.

⁴¹ *Дело, касающееся компании «Старретт Хаузинг корпорейшин» и Правительства Исламской республики Иран*; промежуточное решение Суда по рассмотрению споров Ирана и Соединенных Штатов от декабря 1983 года.

69. Показательным примером ограничительных мер, образующих отчуждение собственности *de facto*, являются обстоятельства дела *Папамихалопулос против Греции*⁴². Заявители были владельцами ценной земли на больших размерах площади в Греции. Земля включала пляжный участок, и в 1963 году заявители получили от греческого ведомства по делам туризма разрешение на строительство гостиничного комплекса на территории этого участка. Но затем контроль над Грецией перешел к военной диктатуре, и в августе 1967 года земля заявителей (включая пляжный участок) была передана Военно-морским силам. Неудивительно, что заявители пытались вернуть землю, но их попытки были безуспешными. Военно-морские силы построили на земле военно-морскую базу и курорт для отдыха морских офицеров.

70. Несмотря на ряд судебных акций заявителей и некоторые изъятия государства по поводу того, что заявителям надлежит получить другую землю в порядке замены, к началу 1990-х годов никакого удовлетворения своих правоприязаний заявители не получили, и тогда обратились в Комиссию в Страсбурге.

71. Когда дело было начато слушанием в Европейском Суде по правам человека, Суд прежде всего отметил, что вмешательство в право собственности следует считать длящимся нарушением, продолжающимся с 1967 года. Суд заметил, что вмешательство в данном случае было совершено не с целью осуществления контроля за использованием собственности, и потому третья норма статьи 1 не применима. Что же касается второй нормы, то землю никогда формально не отчуждали в том смысле, что титул на нее передан не был. Но поскольку Конвенцию создавали с целью оградить права, которые являются «реальными и эффективными», следовало установить, действительно ли обжалуемая ситуация тем не менее была равносильна отчуждению *de facto*.

72. Суд отметил, что Фонд Военно-морских сил действительно физически отобрал у заявителей их собственность и вел строительство на этой земле. С тех пор заявители не могли ни пользоваться своей собственностью, ни продать ее, ни завещать, ни заложить или подарить. Суд постановил, что полная утрата возможности распоряжаться землей в совокупности с неудачей предпринятых попыток исправить ситуацию повлекли за собой достаточно серьезные последствия для заявителей, подвергшихся экспроприации *de facto*⁴³.

73. Этот принцип был применен не так давно в решении по делу *Брумареску против Румынии*⁴⁴, в котором Европейский Суд по правам человека вновь подтвердил, что при установлении факта наличия лишения имущества в значении второй нормы, необходимо проверить, что скрывается за предлагаемой версией, и исследовать реальные обстоятельства обжалуемой ситуации.

---

⁴² А 260-В (1993 год).

⁴³ Интересен тот факт, что, установив отчуждение *de facto*, Суд не стал вдаваться в вопрос, преследовало ли отчуждение законную цель, и было ли оно соразмерным. Суд просто заявил, что отчуждение *de facto* было «несовместимым с правом заявителей беспрепятственно пользоваться своим имуществом», предположительно из-за того, что им не была выплачена компенсация или не было иной защиты своего права.

⁴⁴ 28 октября 1999 года; пункт 76 решения.

74. По этому делу родители заявителя построили дом в Бухаресте в 1939 году. В 1950 году дом был национализирован на основе законодательного декрета. В 1974 году дом был продан государством двум братьям, которые до того жили в одной из квартир дома как наниматели. В 1993 году заявитель возбудил исковое производство в румынском суде с целью добиться признания национализации недействительной, поскольку на его родителей распространялось исключение из правил декрета ввиду того, что они были безработными. Суд первой инстанции согласился с этими доводами и отдал распоряжение административным властям передать дом заявителю. Заявитель перебрался жить в дом и уплатил полагающийся земельный налог.

75. Но Генеральный прокурор, выступая от имени братьев, которым ранее была передана собственность, представил от их имени заявление в Верховный Суд. Верховный Суд отменил решение суда первой инстанции и постановил, что заявитель не имел титула на дом и что он должен быть возвращен братьям.

76. Когда дело было открыто слушанием в Европейском Суде по правам человека, он, прежде всего, указал, что у заявителя было имущество в форме решения суда первой инстанции о том, что национализация собственности не была правомерной. Он затем установил, что решение Верховного Суда представляло собой вмешательство в право, признанное тем решением суда первой инстанции.

77. Суд затем применил принцип, в соответствии с которым необходимо проверить, действительно ли заявитель был лишен своего имущества, и постановил, что был, то есть применил вторую норму. Суд заметил, что заявитель не мог более вообще пользоваться домом⁴⁵.

78. Таким образом, имеет ли место отчуждение *de facto*, в отсутствие формальной передачи права собственности, остается вопросом совокупности наличных фактов и степени реализации обжалуемых действий.

Третья норма

79. Третья норма (во втором пункте статьи 1 Протокола № 1) применяется, когда вмешательство в право собственности является умышленным или выступает частью законодательной схемы, цель которой – **контроль за использованием собственности**.

80. Примеры применения третьей нормы упоминались выше. К ним

---

⁴⁵ Что касается вопроса, могло ли быть юридически оправдано вмешательство в право собственности, Суд заметил, что государство не выдвинуло никаких оправданий своих действий интересами общества. Он также отметил, что заявитель был лишен своего дома в течение четырех лет без какого-либо возмещения, отражающего реальную рыночную стоимость собственности. Интересно, что Суд по данному делу обозначил имуществом заявителя решение румынского суда первой инстанции, а не указав, что заявителю принадлежит титул на дом, обозначив статус самого дома как имущество. Возможно такой подход объясним тем, что Суд не пожелал выглядеть как разбирающим в подробностях основания решения Верховного Суда Румынии.

относятся решения по делам *Спорронг и Лоннрот против Швеции*⁴⁶ (относительно запрещения строительства на земельном участке), *Компания «Пайн Велли девелопментс Лтд.» против Ирландии*⁴⁷ (относительно контроля за планированием застройки земли) и *Меллахер против Австрии*⁴⁸ (относительно контроля за арендуемой собственностью)⁴⁹. Дальнейшие более детальные примеры применения этой нормы будут приведены ниже, в разделе, посвященном вопросу юридического обоснования вмешательства в право собственности.

81. Меры **обеспечения уплаты налогов или иных взносов либо штрафов** также должны проверяться в контексте второго пункта статьи 1 Протокола № 1. Хорошим примером применения этого аспекта третьей нормы является решение Суда по делу *Газус Досьер унд Фордетекник ГмбХ против Нидерландов*⁵⁰. Германская компания поставляла товары голландской компании на условии, что она сохраняла за собой титул на товары до поступления платежа. До того, как платеж поступил поставщику, товары были арестованы голландскими налоговыми властями в уплату задолженности по налогам, числившейся за голландским получателем товаров. Германский поставщик утверждал, что арест товаров голландскими властями представлял собой нарушение права собственности по статье 1 Протокола № 1. Европейский Суд по правам человека постановил, что данное дело относится к категории, рассматриваемой в контексте третьей нормы статьи 1, на том основании, что арест товаров является частью системы мер государства по обеспечению сбора налогов (это дело рассматривается более подробно ниже, в пунктах 129—136).

Первая норма

82. Первая норма статьи 1 Протокола № 1 может быть названа «всеохватывающей», как применимая там, где не могут быть применены другие две нормы. Она применяется в тех случаях, когда предпринимаемая государством мера приводит к вмешательству в пользование имуществом, но не является по своей природе изъятием имуществом и не нацелена на установление контроля за использованием собственности.

83. Первая норма, как постановил Суд, применяется в отношении

⁴⁶ А 52 (1982 год); см. выше, пункт 13.

⁴⁷ А 222 (1991 год); см. выше, пункт 34.

⁴⁸ А 169 (1989 год); см. выше, пункт 46.

⁴⁹ К другим примерам относятся решения Суда по делам: *АГОСИ против Соединенное Королевства* А 108 (1986 год) (относительно законодательства по контролю за нелегальным ввозом золотых монет); *Эр Канада против Соединенного Королевства* А 316-А (1995 год) (относительно противозаконного ввоза наркотиков); *Инце против Австрии* А 126 (1987 год); *Фредин против Швеции* А 192 (1991 год); *Вендителли против Италии* А 293-А (1994 год); *Спадеа и Скалабрино против Италии* А 315-В (1995 год); *Сколло против Италии* А 315-С (1995 год) (относительно законодательства по контролю за жильем).

⁵⁰ А 306-В (1995 год), п. 59. К другим примерам относятся: заявление № 11036/84 *Шведская группа менеджмента против Швеции* (1985 год); заявление № 13013/87 *Васа Лив Омсесидигт против Швеции* (1988) на стр. 185-187; решение Суда по делу *Нешинл энд Провинишел Билдинг Сосайети и другие против Соединенного Королевства* 1997-VII (1997), п. 79.

разрешений на отчуждение, которые были выданы в отношении собственности заявителей по делу *Спорронг и Лоннрот против Швеции*⁵¹. Другим примером является применение первой нормы в решении по делу *Греческие нефтеперерабатывающие заводы «Стрэн» против Греции*⁵², в котором в результате принятого законодательства арбитражное решение, вынесенное в пользу заявителя, было признано недействительным и не подлежащим исполнению, и это законодательство проверялось с точки зрения первой нормы статьи 1⁵³.

Значение анализа с точки зрения трех норм

84. При рассмотрении вопроса, имело ли место нарушение статьи 1 Протокола № 1, прежде всего необходимо установить, имеется ли у заявителя право собственности или имущество в значении статьи 1. Далее необходимо исследовать, имело ли место вмешательство в право такой собственности, и затем определить природу вмешательства (то есть решить вопрос, какая из трех норм в данном случае применима).

85. Но следует помнить, что Европейский Суд по правам человека неоднократно подчеркивал, что данные три нормы взаимосвязаны: вторая и третья нормы относятся к частным формам вмешательства в право беспрепятственного пользования имуществом и должны толковаться в свете общего принципа, содержащегося в первом предложении. См., например, п. 42 решения Суда по делу *Меллахер против Австрии*⁵⁴, предметом рассмотрения в котором было законодательство о контроле за арендной платой за жилье⁵⁵.

86. См. также решение Суда по делу *Бейелер против Италии*⁵⁶, в котором Суд подчеркнул, что второе предложение статьи 1 является только частным примером вмешательства в право беспрепятственного пользования своим имуществом, как оно гарантировано общей нормой, содержащейся в первом предложении.

87. Это дела было связано с картиной Ван Гога, и его фактические обстоятельства были весьма сложными. Спор был по поводу вопроса, являлся ли заявитель владельцем картины. Картина была приобретена государством в силу его преимущественного права покупки ввиду ее исторической и художественной ценности. Суд установил, что действия заявителя в отношении картины на протяжении времени были таковы, что он должен считаться владеющим

⁵¹ А 52 (1982 год); см. выше, пункт 13.

⁵² А 301-В (1994 год), п. 68. См. также решение Суда по делу *Эркнер и Хофауэр против Австрии* А 117 (1987 год), п. 74 и заявление № 7456/76 *Уиггинс против Соединенного Королевства* (1978 год), стр. 46-467.

Заявление № 7889/77 *Арронделле против Соединенного Королевства* 19 DR 186 (1980), EComHR.

⁵³ См. выше, пункты 28—29, в которых данное дело рассматривается детальнее.

⁵⁴ А 169 (1989 год).

⁵⁵ См. выше, пункты 46—47, в которых данное дело рассматривается детальнее.

⁵⁶ (5 января 2000 года), пункт 98 решения.

имуществом по смыслу статьи 1 Протокола № 1. Но Суд в действительности не постановил, что заявитель является собственником картины.

88. Суд затем исследовал природу вмешательства в имущество заявителя и заявил, что «сложность фактических и юридических обстоятельств дела не дает возможности точно отнести его в конкретную категорию» (п. 106). Заявитель утверждал, что должна быть применена вторая норма. Но Суд, отметив, что ситуация, предусмотренная во втором предложении, представляла собой лишь частную форму вмешательства в право беспрепятственного пользования своим имуществом, как оно гарантировано общим правилом первого предложения статьи 1, принял решение о том, что он должен изучить обжалуемую ситуацию в свете этой общей нормы⁵⁷.

IV. ОБОСНОВАНИЕ ВМЕШАТЕЛЬСТВА В ПРАВО СОБСТВЕННОСТИ

Интересы общества или общие интересы

89. Как было сказано выше, любое вмешательство в право собственности может быть оправданно только тогда, когда оно осуществляется в **интересах общества** или в **общих интересах**. Требование о том, что какое-либо изъятие (или лишение собственности) должно осуществляться в интересах «общества», прямо упомянуто во втором предложении статьи 1 Протокола № 1. Третья норма прямо упоминает «общие» интересы. Но любая форма вмешательства в право собственности, вне зависимости от того, какая норма распространяется на нее, должна отвечать требованию о наличии законной цели – интересов общества (или общих интересов).

90. Одно из ранее рассмотренных Судом дел, по которому изучался вопрос о применимости этого требования, было дело *Джеймс против Соединенного Королевства*⁵⁸. Заявители по данному делу были попечителями владения Герцога Вестминстерского, которое включало 2000 домов в весьма престижном районе Лондона. Заявители жаловались на то, что владение потеряло весьма крупную сумму денег в результате применения закона, а именно Акта 1967 года о реформе системы владения на правах аренды, который предоставил арендаторам жилья по долгосрочным контрактам (нанимателям) право выкупать право собственности на недвижимость по ценам ниже рыночных. Акт 1967 года распространялся только на арендаторов жилья по долгосрочным контрактам, то есть на договоры об аренде жилья на срок 21 год и дольше. Это должны были также быть владения на правах аренды, право на которые предоставлялись по низким ставкам арендной плате. В результате того, что владение Герцога Вестминстерского было вынуждено продать право на владение около 80 арендаторам в Лондоне, которые прибегли к своему праву покупки или «преобразования права аренды», по ставкам, предусмотренным Актом 1967 года, владение потеряло 2 с лишним миллиона фунта стерлингов на разнице с рыночной стоимостью аренды такого рода жилья.

---

⁵⁷ Изучив фактические обстоятельства дела, Суд счел, что заявитель был вынужден нести «индивидуальное и чрезмерное бремя» и признал наличие нарушения статьи 1 Протокола № 1 (п. 122 решения).

⁵⁸ А 98 (1986), п. 46 решения.

91. При изучении жалобы в контексте статьи 1 Протокола № 1, Европейский Суд по правам человека сначала обратился к анализу статьи, основанному на концепции трех норм, предложенному в решении по делу *Спорронг и Лоннрот против Швеции*⁵⁹. Суд счел, что заявители были лишены своей собственности в значении второй нормы (хотя в данном случае собственность была передана не государству, а другим частным лицам).

92. По вопросу о том, могло ли изъятие собственности считаться обоснованным государством, заявители утверждали, что соответствующее законодательство не могло быть принято в интересах общества, поскольку изъятые имущество не было отчуждено в интересах общества в целом. Заявители настаивали на том, что передача собственности от одного лица другому не могла считаться в принципе произведенной «в интересах общества». Но Суд не согласился с таким доводом и постановил, что принудительная передача собственности от одного частного лица другому может отвечать законной цели в интересах общества.

93. Суд добавил при этом, что к изъятию собственности во исполнение политики, направленной на укрепление социальной справедливости в обществе, можно на полных основаниях относиться как к осуществляемой в интересах общества. Решая вопрос таким образом Суд признал, что он не следует подходу, принятому во внутреннем законодательстве ряда государств-участников Конвенции в отношении отчуждения собственности.

94. Суд затем сделал важное и часто цитируемое заявление о принципе «рамков усмотрения» государства⁶⁰. Это заявление и по сей день образует основу, наряду с *dicta* решения по делу *Спорронг и Лоннрот против Швеции*⁶¹, для определения, что образует обоснованное вмешательство в право собственности:

«Национальные власти – ввиду своего прямого знания условий жизни общества и его потребностей – в принципе имеют больше преимуществ, чем международный судья, в оценке того, что есть «в интересах общества». В соответствии с системой охраны прав человека, созданной Конвенцией, таким образом, именно национальные власти должны первоначально оценить, имеется ли проблема, вызывающая озабоченность общества и требующая принятия мер, направленных на лишение собственности, и установления порядка судебной защиты... Здесь, как и в других сферах, на которые распространяются гарантии Конвенции, национальные власти соответственно могут действовать в рамках своего усмотрения.

---

⁵⁹ А 52 (1982 год); см. выше, пункты 9—13.

⁶⁰ Доктрина «рамков усмотрения» государства применяется в целом в отношении положений Конвенции. См., например, решение Суда по делу *Хэндисайд против Соединенного Королевства* А 24 (1976 год), п. 48, в котором Суд заметил, что «...механизм защиты прав человека, созданный Конвенцией, является вспомогательным по отношению к национальным системам гарантий прав человека. Конвенция оставляет каждому договаривающемуся государству в первую очередь задачу гарантирования прав и свобод, в ней запечатленных. Институты, ей созданные, вносят свой вклад в реализацию этой задачи, и их приводят в действие только посредством производства в связи с возникшим спором и только после того, как были исчерпаны все внутригосударственные судебные процедуры».

⁶¹ А 52 (1982 год), пункты 69 и 73 решения; см. выше, пункты 14—17.

Более того, понятие «интересов общества» неизбежно широко. В частности, как заметила Комиссия, решение о приведении в действие законов, отчуждающих собственность, всегда принимается с учетом политических, экономических и социальных вопросов, мнения по которым во всяком демократическом обществе могут широко различаться. Суд, находя естественным, что рамки усмотрения, предоставляемые законодательному органу при осуществлении им социально-экономической политики, должны быть достаточно широкими, всегда согласится с суждением законодательного органа по поводу того, что есть «в интересах общества», если только таковое суждение **со всей очевидностью не имеет под собой разумного основания**. Иными словами, хотя Суд не может заменить собственную оценку оценкой национальных властей, он **обязан проверить оспариваемые меры на предмет соответствия статье 1 Протокола № 1 и, осуществляя таковую проверку, провести исследование фактических обстоятельств**, со ссылкой на которые действовали национальные власти (п. 46) (выделено автором).

95. Суд продолжил свои мотивировки тем, что признал цель Акта 1967 года о реформе системы владения на правах аренды – достижение большей социальной справедливости в сфере распределения – законной целью, достижение которой было в интересах общества.

96. Суд затем сослался на требование соразмерности, процитировав решение по делу *Спорронг и Лоннрот против Швеции*⁶² и стандарт проверки надлежащего равновесия между требованиями общих интересов общества и требованиями защиты основных прав личности. Заявители полагались на то обстоятельство, что другие государства⁶³ явно не имели на вооружении подобные драконовские меры. Они утверждали, что для того, чтобы быть соразмерной, мера должна быть необходимой в том смысле, что альтернативы ей не существовало. Но Суд отверг эту позицию: не Суду было решать, был ли Акт 1967 года о реформе системы владения на правах аренды наилучшим решением проблемы.

97. Суд также рассмотрел вопрос о возмещении и согласился с выводом Комиссии о том, что Статья 1, хотя она и не содержит норм на этот счет, в целом требует выплаты компенсации за изъятие собственности⁶⁴. Суд заметил, что в правовых системах договаривающихся государств изъятие собственности без выплаты компенсации считается обоснованным только при исключительных обстоятельствах: в противном случае право собственности будет в основном «иллюзорным и неэффективным». Что же касается стандарта возмещения, Суд заявил, что изъятие собственности без выплаты компенсации в размере, в разумной степени соотносимым с ее стоимостью, обычно будет считаться несоразмерной мерой. Но Статья 1 не гарантирует право на полную компенсацию при любых обстоятельствах: «законные цели в “интересах общества”, такие как преследуемые при проведении экономической реформы или при мероприятиях, нацеленных на достижение большей социальной справедливости, могут

---

⁶² А 52 (1982), пункт 69 решения; см. выше, пункты 14—17.

⁶³ То есть участники Конвенции.

⁶⁴ Что касается требования соразмерности, и в частности, возмещения, см. далее пункты 149—148.

обосновывать возмещение в размерах меньших, чем полная рыночная стоимость»⁶⁵.

98. Суд далее нашел, что по данному делу был установлен требуемый справедливый баланс, хотя владение Герцога Вестминстерского не получило полную рыночную стоимость в результате передачи права собственности арендаторам. Суд заметил, что арендатор выплатил примерную стоимость земельного участка, но ничего за строения на участке. Это явно было к выгоде арендаторов, но ввиду сумм денег, выплаченных им (или его предшественниками) за аренду (сумма капитала), и денег, потраченных за годы аренды на ремонт, содержание и усовершенствования, арендатор и его предшественник-правообладатель по существу уже заплатили за собственность. Соответственно, нарушения статьи 1 Протокола № 1 не было.

99. Решение по делу *Джеймс против Соединенного Королевства*⁶⁶ иллюстрирует «широкие рамки усмотрения», которым страсбургские органы готовы были наделить национальные власти при оценке как соответствия вмешательства в право собственности той или иной законной цели в интересах общества, так и соразмерности. Это решение также ясно дает понять, что Суд играет определенную роль в исследовании фактических обстоятельств дела и оценке, не переступило ли государство рамки своего усмотрения. Как указано выше, Европейский Суд по правам человека в последние годы в особенности находил по многим делам, что рамки усмотрения государством переступались⁶⁷.

100. Более свежим примером рассмотрения Судом вопроса, в какой степени вмешательство государства в право собственности отвечало законной цели в интересах общества, является решение по делу *Сколло против Италии*⁶⁸. По этому делу заявитель в июне 1982 года в Риме приобрел квартиру, которая была занята жильцом-арендатором жилого помещения. В марте 1983 года заявитель потребовал через суд выселения жильца на тех основаниях *inter alia*, что он (заявитель) имел 71-процентную степень инвалидности, был безработным, болел диабетом и нуждался в квартире и что жилец прекратил арендную плату. Сначала, в апреле 1983 года, магистрат издал ордер о выселении жильца. Однако, в соответствии с курсом итальянского правительства на то, чтобы приостанавливать действие, откладывать или затруднять исполнение ордеров о выселении арендаторов жилых помещений, действие данного ордера приостанавливалось четыре раза на основании законодательного декрета. В конце концов жилец выехал из квартиры добровольно в январе 1995 года, одиннадцать лет и десять месяцев спустя после того, как заявитель впервые возбудил производство о его выселении.

101. Заявитель принес жалобу о нарушении его права собственности. Когда вопрос был представлен Европейскому Суду по правам человека, он прежде всего рассмотрел вопрос о применимости трех норм статьи 1. Суд заметил, что в данном случае не было ни передачи собственности, ни – вопреки

---

⁶⁵ Пункт 54 решения.

⁶⁶ А 98 (1986 год).

⁶⁷ См. выше, пункт 5.

⁶⁸ А 315-С (1995 год), пункт 32 решения.

утверждениям заявителя – отчуждения собственности *de facto*. На протяжении всего времени у заявителя была возможность отчуждения собственности и он получал арендную плату – в полном объеме до октября 1987 года и частично – в период между ноябрем 1987 года и февралем 1990 года. Поскольку оспариваемые государственные меры означали то, что квартиросъемщик продолжал занимать жилплощадь, то эти меры, несомненно, равносильны контролю за использованием имущества. Соответственно второй пункт статьи 1 Протокола № 1 применим.

102. Суд сослался на тот факт, что второй пункт статьи 1 сохраняет за государством право принимать такие законы, какие оно сочтет необходимыми для установления контроля за использованием собственности в соответствии с общими интересами. Такие законы, заметил Суд, наиболее часто принимаются в сфере обеспечения граждан жильем, которая в современном обществе является центральной для социально-экономической политики государства. Для реализации этой политики законодательный орган должен пользоваться усмотрением в широких рамках как в смысле определения наличия проблемы, вызывающей озабоченность общества и требующей принятия мер контроля, так и выбора детальных предписаний для воплощения таких мер. Суд вновь подтвердил⁶⁹, что он согласится с суждением законодательного органа по поводу того, что есть в общих интересах, если только таковое суждение со всей очевидностью не имеет под собой разумного основания.

103. Заявитель утверждал, что соответствующие законодательные меры не имели перед собой законной цели; по сути дела, тот факт, что государство не имело на вооружении эффективной политики в сфере распределения жилья, и лишил его права распоряжаться собственной квартирой, поскольку защите подлежали только интересы жильца-арендатора. Государство не было вправе, указывал он, обосновывать чрезвычайное законодательство, прибегая к ссылке на общие интересы.

104. Суд, однако, заметил, что законодательные нормы, приостанавливавшие действие ордеров о выселении в период с 1984 года по 1988 год, были продиктованы необходимостью разрешить проблему огромного числа договоров аренды жилья, срок действия которых истек в 1982 и 1983 годах, и озабоченностью тем, чтобы дать возможность жильцам, договоры аренды жилья которых истекли, приискать приемлемое новое жилье либо получить жилье, субсидированное государством. Исполнение всех ордеров о выселении, заявил Суд, привело бы к заметной социальной напряженности и представило бы угрозу общественному порядку. Посему обжалуемые законодательные положения преследовали законную цель в общих интересах в соответствии с требованиями статьи 1 Протокола № 1.

105. Обратившись далее к вопросу о требовании соразмерности, Суд заметил, что всякое вмешательство в право собственности должно обеспечивать разумное равновесие и что должна быть разумная соразмерность между используемыми средствами и той целью, на которую направлена любая мера, лишаящая лицо собственности⁷⁰.

---

⁶⁹ См. решение Суда по делу *Джеймс против Соединенного Королевства* А 98 (1986 год), пункт 46; пункт 94 выше.

⁷⁰ Пункт 32 решения суда.

106. Заявитель утверждал, что обжалуемое вмешательство в право собственности было несоразмерным. Он подчеркивал, что являлся владельцем небольшой собственности, который просто хотел занять собственную квартиру, чтобы жить там вместе со своей семьей. Он указал, что вынужден был влезть в долги, чтобы приобрести новую квартиру. Государство со своей стороны выдвинуло аргумент о том, что в то время в Италии имела место исключительная нехватка жилья.

107. Суд заметил, что нехватка жилья является почти повсеместной проблемой современного общества. Для того чтобы определить, были ли предпринимавшиеся меры соразмерны целям, на которые были направлены меры, – защите интересов жильцов с низкими доходами и предотвращения любой угрозы общественному порядку – Суду следовало установить, были ли действия в отношении жильца-арендатора заявителя таковыми, что требуемое справедливое равновесие обеспечивалось. Суд заметил, что заявитель четко уведомил власти о том, что он нуждался в квартире, что у него не было работы и что он был инвалидом. Властями абсолютно ничего не было предпринято в ответ. Заявитель не смог вернуть свою собственность, пока жилец не покинул квартиру добровольно, хотя условия, необходимые для исполнения ордера о выселении, в период, когда исполнение было приостановлено, были соблюдены. Суд также заметил, что заявитель был вынужден приобрести другую квартиру и возбудить иск по поводу взимания арендной платы за жилье. С учетом всего вместе взятого ограничения, возложенные на использование заявителем своей квартиры, были равносильны нарушению требования соразмерности и нарушению статьи 1 Протокола № 1.

108. Таким образом, решение Суда по делу *Сколло против Италии* показывает пример неудачной аргументации по поводу того, что обжалуемые меры не отвечали законной цели в интересах общества, но при этом заявитель добился успеха по вопросу о том, что, хотя цель были законными, избранные средства ее достижения были несоразмерны этой цели⁷¹.

Соразмерность

109. Как указывалось выше⁷², для того, чтобы вмешательство в право собственности считалось допустимым, оно должно не только служить законной цели в интересах общества, но должна быть и разумная соразмерность между используемыми средствами и той целью, на которую направлена любая мера, лишаящая лицо собственности⁷³. Разумное равновесие должно сохраняться между

---

⁷¹ Другой пример безуспешных утверждений о том, что законодательная мера, в результате которой заявители были лишены своей собственности, не отвечала законной цели в интересах общества, это решение Суда по делу *Бывший Король Греции и другие против Греции* (23 ноября 2000 года). Заявители, однако, добились успеха, отстаивая ту позицию, что изъятие всей их собственности в Греции без какой-либо выплаты возмещения было несоразмерным, и Суд соответственно установил нарушение статьи 1 Протокола № 1.

⁷² См. выше, пункт 16.

⁷³ *Джеймс против Соединенного Королевства* А 98 (1986 год), пункт 50; и *Литгоу против Соединенного Королевства* А 102 (1986 год), пункт 120.

общих интересов общества и требованиями охраны основных прав личности, при том, что поиски сохранения такого равновесия в целом присущи всей Конвенции⁷⁴. Это главный вопрос, так или иначе фигурирующий по большинству дел.

110. Хорошим примером применения стандарта проверки реального наличия соразмерности является решение Суда по делу *АГОСИ против Соединенного Королевства*⁷⁵. Заявителем по делу была германская компания АГОСИ, занятая переплавкой металлов, а также занимавшаяся торговлей золотыми и серебряными монетами. Однажды в воскресенье днем некие г-н Х и г-н Y пришли на фабрику компании в Германии и попросили немедленно приобрести у компании 1500 круггеррэндов, золотых монет, выпускавшихся в Южной Африке. Стоимость монет составляла 120 000 английских фунтов стерлингов. Сделка купли-продажи состоялась и монеты были погружены в автомобиль с британскими номерными знаками. Платеж был принят в форме чека, выписанного на один английский банк. Компания АГОСИ пыталась обналечить чек, но он не был признан обеспеченным. Контракт о сделке купли-продажи содержал условие, что право владения монетами сохраняется за АГОСИ, пока полностью не осуществлен платеж.

111. Тем временем покупатели пытались ввезти монеты в Соединенное Королевство, спрятав их в автомобиле в запасной крышке. Но монеты были обнаружены и изъяты таможенными властями Соединенного Королевства. Несколькими месяцами ранее ввоз золотых монет в страну был запрещен государственным секретарем по делам торговли и промышленности. Покупатели монет, г-н Х и г-н Y были привлечены к уголовной ответственности за мошенническое уклонение от выполнения запрета на ввоз золотых монет (контрабанду).

112. Компания АГОСИ вскоре потребовала возврата ей монет на том основании, что компания оставалась законным их владельцем, поскольку она не получила платеж за покупку монет. Таможенные власти отказались вернуть монеты. Г-н Х и г-н Y были осужден уголовным судом. Даже на этой стадии развития событий таможенные власти отказались вернуть монеты компании. Компания безрезультатно обращалась в английский суд с иском о возврате монет.

113. При слушании дела в Европейском Суде по правам человека, компания АГОСИ обжаловала *inter alia* отказ таможенных властей. Компания утверждала, что она была законным владельцем монет, не виновным в каких-либо правонарушениях, и что ей не было предоставлено надлежащей возможности представить дело на рассмотрение английских судов. Страсбургский Суд заметил, что удержание (конфискация) монет явно равносильна вмешательству в право пользования имуществом в значении первого предложения статьи 1: этот факт оспаривать нельзя. Но Суд затем должен был определить, было ли применимым здесь второе предложение первого пункта или второй пункт. Он заметил, что запрет

---

⁷⁴ Решения Суда по делам *Спорронг и Лоннрот против Швеции* А 52 (1982 год), пункты 69, 73; *Тре Тракторер АБ против Швеции* А 159 (1989 год), пункт 59; *Хентрих против Франции* А 296-А (1994 год), пункты 45-49; *Святые монастыри против Греции* А 301-А (1994 год), пункт 70; *Эр Канада против Соединенного Королевства* А 316-А (1995 год), пункт 29.

⁷⁵ А 108 (1986 год), пункт 52.

на ввоз золотых монет явно образовывал форму контроля за использованием собственности. Изъятие и конфискация монет были мерами по исполнению этого запрета. Он также заметил, что конфискация монет, конечно, была связана с лишением собственности, но при данных обстоятельствах лишение собственности было составляющим элементом процедуры контроля за использованием в Соединенном Королевстве золотых кюгеррэндов. Соответственно третья норма, о контроле за использованием собственности, была здесь применима.

114. Что касается обоснованности мер, Суд заметил, что запрет на ввоз кюгеррэндов несомненно был совместим со статьей 1 Протокола № 1. Он преследовал законную цель в интересах общества. Но необходимо было также рассмотреть, существовала ли разумная соразмерность между используемыми средствами и той целью, на которую направлена любая мера, лишаящая лицо собственности. Суду надо было определить, сохранено ли было требуемое справедливое равновесие. Суд заметил, что «рамки усмотрения, предоставляемые государству при выборе им средств исполнения мер, и установления соответствия последствий исполнения мер общим интересам с целью достижения цели обжалуемого закона, достаточно широки» (пункт 52 решения).

115. Суд заметил, что в соответствии с общими принципами права, признанными во всех государствах-участниках, контрабандные товары могут быть, как правило, объектом конфискации. Но компания АГОСИ утверждала (и Комиссия с этим согласилась), что такая мера неприменима в случаях, когда владелец конфискованной собственности «невиновен». Суд заметил, что поддержание справедливого равновесия зависит от многих факторов, и что действия владельца собственности (в отношении контрабанды), включая **степень** проявленных им **небрежности или предосторожности**, являются одним элементом в совокупности обстоятельств, которые должны быть приняты во внимание (Суд также заметил, что в договаривающихся государствах не существовало общей практики касательно необходимости признания наличия небрежности для конфискации).

116. Соответственно, хотя это прямо и не упомянуто в статье 1, Суд должен был изучить вопрос, были ли применимые процедуры таковыми, что способствовали разумному рассмотрению степени небрежности или предосторожности, проявленной заявителем, и также проверить, **предоставили ли применимые процедуры компании разумную возможность представить дело на рассмотрение** компетентных властей. Суд изучил английскую процедуру судебного надзора и нашел, что она удовлетворяет требованиям статьи 1 Протокола № 1. Соответственно, нарушения права собственности компании АГОСИ не было.

117. Другим примером применения принципа соразмерности и доктрины усмотрения государства, предоставляемого ему в широких рамках, по некоторым другим делам, является решение Суда по делу *Меллахер против Австрии*⁷⁶. Как было указано выше⁷⁷, это дело касалось домовладельцев квартала квартир, которые утверждали, что австрийское законодательство о контроле за квартирной платой при найме жилья противоречило статье 1 Протокола № 1, поскольку оно вмешивалось в их договорные права о взимании платы за жилье. Суд постановил, что статья 1 была применима по делу, и что вмешательство в право заявителей на собственность в значении второй, имеющей дело с контролем за использованием собственности,

---

⁷⁶ А 169 (1989 год), пункт 48.

⁷⁷ См. выше, пункт 46.

нормы имело место.

118. Что касается вопроса об обоснованности мер, заявители утверждали, что Закон 1981 года об арендной плате не преследовал законной цели. Они заявляли, что закон имел в виду не исправление социальной справедливости, а перераспределение собственности. Они согласились, что в принципе такое может быть сделано, но утверждали, что не существовало проблемы, которая требовала бы вмешательства государства. Они упомянули экономический бум, переживавшийся тогда в Австрии. Они представили статистические данные, демонстрирующие, что жилье было в действительности доступно людям, и они утверждали, что Закон 1981 года не имел поддержки двух из трех политических партий, представлявших большинство населения страны. Они утверждали, что Закон представлял собой меру, предпринятую правительством социалистов с целью удовлетворить интересы отдельной части электората. Таким образом, это не была мера, заявили они, предпринимаемая в общих интересах.

119. Европейский Суд по правам человека изучил пояснительную записку, представленную правительством в австрийский парламент при внесении проекта указанного закона. В ней упоминалась необходимость уменьшить разницу между арендной платой за жилье, вносимой за равноценные квартиры. Закон имел целью сделать жилье более доступным по умеренным ценам. Суд нашел, что такого рода объяснения не могли быть охарактеризованы как явно необоснованные. Закон потому имел перед собой законную цель в общих интересах.

120. Что касается требования соразмерности, то Суд подтвердил необходимость применения стандарта проверки справедливого равновесия. Заявители утверждали, что данный Закон представлял собой статутную форму склонения к невыполнению правомерно заключенных договоров, и потому нарушал свободу договора. Суд заключил, однако, в вопросах законодательства, направленного на решение социальных проблем, и в особенности в сфере контроля за арендной платой за жилье, законодательный орган должен свободно предпринимать меры, влияющие на дальнейшее исполнение ранее заключенных договоров, для достижения целей принятого курса. Суд далее заявил, что возможное наличие альтернативных решений проблемы само по себе не служит основанием для признания оспариваемого законодательства необоснованным. При условии, что законодательный орган оставался в рамках предоставленного ему усмотрения, Суд не вправе указывать, что законодательство представляло собой наилучшее решение проблемы или что усмотрение законодателя должно было быть приложено в ином направлении.

121. Заявители указывали на тот факт, что в результате действия Закона 1981 года взимаемая ими арендная плата за жилье снизилась на 80% в двух случаях, и на 22% – в других. Комиссия сочла степень вмешательства в право собственности необоснованной. Государство же утверждало, что даже при сниженных ставках арендной платы, плата за жилье была разумно сравнима с платой, которую можно было назначить за аренду жилья в других зданиях. Суд нашел, что требуемое справедливое равновесие было обеспечено. Он принял во внимание, *inter alia*, что владельцы по-прежнему могли относить различные расходы, такие как расходы на страхование жилища, на счет жильцов и могли требовать от жильцов платить взносы на текущий ремонт. В Законе содержались также временные положения, которые позволяли владельцам взимать арендную плату по существующим договорам аренды на 50% выше, чем им разрешено взимать по вновь заключенным

договорам аренды жилья. Поэтому не было нарушения статьи 1 Протокола № 1.

122. Дело *Греческие нефтеперерабатывающие заводы «Стрэн» против Греции*⁷⁸ также упоминалось выше⁷⁹. По этому делу, связанному с арбитражным решением, которое в законодательном порядке было признано недействительным и не подлежащим исполнению, Суд решил, что вмешательство в право собственности не было ни формой отчуждения, ни формой контроля за использованием собственности, и вопрос о нем должен был решаться на основе первого предложения статьи 1.

123. Суд затем перешел к определению, было ли обеспечено требуемое справедливое равновесие. Государство утверждало, что обжалуемая мера была частью комплекса мер, направленных на очищение общественной жизни от дурной репутации, ассоциируемой с военным режимом, и на провозглашение решимости и воли греческого народа защитить демократические институты. Права заявителей, по утверждению государства, проистекали из привилегированного, наносящего ущерб национальной экономике контракта, который способствовал поддержанию диктатуры. Заявители же утверждали, что было бы несправедливо каждое правоотношение, установленное с диктаторским режимом, признавать недействительным после ухода режима.

124. Суд не поставил под сомнение полномочие государства прекращать действие контракта, который оно считает наносящим ущерб экономическим интересам государства. Действительно, в публичном международном праве твердо утвердилось положение, что всякое государство располагает суверенным полномочием прекращать действие контракта, заключенного с частным лицом при условии, что оно выплачивает компенсацию. Это, однако, не распространяется на определенные клаузулы контракта, такие как арбитражная оговорка. В противном случае сторона в контракте сможет уклониться от юрисдикции по спорному вопросу, в отношении которого стороны согласились о проведении арбитражного разбирательства. Суд также заметил, что государство само выразило согласие на проведение арбитражного разбирательства, последствия которого оно затем пыталось избежать. Поэтому, аннулируя арбитражное решение, законодательный орган нарушил требование справедливого равновесия. Соответственно, имело место нарушение статьи 1 Протокола № 1.

125. Дело *«Прессос Компания Навьера А.О.» против Бельгии*⁸⁰ является другим примером нарушения государством рамок предоставленного ему рассмотрения. Как было изложено выше⁸¹, это было дело, по которому ряд судовладельцев, суда которых были объектами столкновений в территориальных водах Бельгии, подали иски о возмещении ущерба, причиненного в результате халатности лоцманов, за действия которых несло ответственность бельгийское государство. После причинения ущерба государство приняло законодательство, устраняющее право на возмещение ущерба при соответствующих обстоятельствах. Суд нашел, что правопритязания заявителей образовывали имущество и что

⁷⁸ А 301-В (1994), пункт 74 решения.

⁷⁹ См. выше, пункт 28.

⁸⁰ А 332 (1995), пункт 38 решения.

⁸¹ См. выше, пункт 30.

вмешательство в их права, предусмотренные статьей 1 Протокола № 1, имело место.

126. Государство указало на необходимость ограждать свои финансовые интересы, необходимость восстановить правовую определенность в сфере деликтного права и необходимость привести ситуацию в Бельгии в соответствие с ситуацией в соседних странах, в особенности Нидерландов. Суд заметил, что в соответствии системой правил, созданных Конвенцией, национальные власти в первую очередь должны давать первоначальную оценку наличия проблемы, вызывающей озабоченность общества и требующая принятия мер, направленных на лишение собственности, и установления порядка судебной защиты. Понятие интересы общества неизбежно широко. Государство поэтому располагает усмотрением в широких рамках.

127. Что касается соразмерности, то Суд сослался на стандарт проверки надлежащего равновесия между требованиями интересов общества и требованиями защиты основных прав личности, и заметил, что условия возмещения ущерба, установленные соответствующим законодательством, относились к этому вопросу. Он также отметил, что изъятие собственности без выплаты суммы, разумно соотносящейся с ее стоимостью, обычно может быть оправдано только при исключительных обстоятельствах. По этому делу Закон 1988 года аннулировал с обратной силой и без компенсации требования о возмещении ущерба на очень крупные суммы, которые жертвы аварий могли бы предъявить бельгийскому государству. В некоторых случаях дела уже находились в производстве судов. Государство указало на те потенциальные иски требования на огромные суммы, которые могли бы быть предъявлены, если Закон не был бы принят, (3500 миллионов бельгийских франков). Суд пришел к выводу, что эта озабоченность государства и его озабоченность тем, чтобы законодательство было бы приведено в соответствие с законодательством соседних стран, оправдывало принятие в будущем законодательства, изменяющего деликтное право, но эти соображения **не могли оправдать принятие законодательства с обратной силой** с целью и последствиями, связанными с лишением заявителей их правопритязаний на возмещение ущерба. Такого рода фундаментальное вмешательство в право собственности не соответствовало принципу справедливого равновесия, и Статья 1 Протокола № 1 была соответственно нарушена.

Меры по налогообложению

128. Суд всегда считал полномочие государства государство обеспечивать уплату налогов или других сборов или штрафов (в рамках третьей нормы статьи 1 Протокола № 1) особенно широким. Но налоговая мера, тем не менее, должна отвечать требованию соразмерности.

129. По делу *Газус Досьер унд Фордетекник ГмбХ против Нидерландов*⁸², упоминавшемуся выше⁸³, заявителем выступала германская компания, вступившая в соглашение с голландской компанией «Атлас» о продаже «Атласу» бетономешалки. Стандартные условия и положения сделки купли-продажи, предложенные «Газус», включали «клаузулу об удержании титула на

⁸² А 306-В (1995 год), пункт 62; Решение Суда по делу *Нешенел энд Провинишл Билдинг Сосайети против Соединенного Королевства* 1997-VII (1997 год), пункт 80.

⁸³ См. выше, пункт 81.

собственность», которая означала, что эта компания сохраняет за собой право собственности на бетономешалку, пока платеж за нее не поступит полностью.

130. У «Атласа» возникли финансовые трудности, и бетономешалка была арестована голландским налоговым приставом в погашение налоговой задолженности компании. Компания «Газус» обжаловала эти действия и прошел через длительное производство по жалобе в голландском суде, чтобы получить назад бетономешалку, но проиграла. Затем она обратилась в Страсбург.

131. Интересно, что государство в качестве первого довода выдвинула утверждение, что у компании не было на самом деле права собственности на бетономешалку, но просто право вступить во владение собственностью, предложенной в качестве обеспечения. Государство заявляло, что ввиду этого у «Газуса» не было никакого имущества. Но Суд быстро отверг этот довод. Он напомнил, что «имущество» имеет «автономное» значение для целей статьи 1, и конечно же не ограничивалось правом владения физических предметов. Поэтому не имело значения для дела, сохраняла ли компания «Газус» право собственности на бетономешалку или просто имела право вступить во владение ей. Так или иначе, компания имела имущество, охраняемое в силу статьи 1 Протокола № 1.

132. Что касается вопроса о том, какая из трех норм могла быть применена по делу, компания «Газус» утверждала, что ее лишили собственности в контексте второй нормы. Но Суд постановил, что арест бетономешалки был частью системы мер государства по обеспечению сбора налогов и тем самым должен быть рассмотрен с точки зрения второго пункта статьи 1, который дает право государствам «обеспечивать уплату налогов или других сборов или штрафов».

133. В этом контексте Суд напомнил себе, что составители Конвенции придавали огромное значение этому аспекту второго пункта статьи 1: на самом деле, на стадии разработки Конвенции, когда эта фраза еще не была включена в ее проект, всеми заинтересованными сторонами уже понималось, указал Суд, что государства могли принимать любые налоговые законы, которые они считали желательными, при условии, что такие законы не могли быть приравнены к «произвольному отчуждению» собственности. В данном случае, указал Суд, не было произвольного отчуждения, даже при том, что закон разрешал налоговым властям изымать в помещениях налогоплательщика предметы, которые в действительности принадлежат не ему, а третьей стороне. Суд нашел поддержку своей точке зрения в том факте, что такого рода вещи разрешены в нескольких правовых системах.

134. Суд затем продолжил для протокола, что в отношении мер налогообложения государство располагает усмотрением в широких рамках, и что его суждение в этих вопросах уважается, пока оно «не лишено разумных оснований». Суд процитировал свое решение по делу *Спорронг и Лоннрот против Швеции*⁸⁴ и указал на требование справедливого равновесия и соразмерности. Он также спросил себя, не заставили ли «Газус» нести «особое и чрезмерное бремя».

135. Применяя эти стандарты проверки, Суд установил, что арест

---

⁸⁴ А 52 (1982 год).

бетономешалки не противоречил статье 1 Протокола № 1. В частности, он принял во внимание, что: (1) «Газус» участвовал в коммерческом предприятии, которое по своему характеру включало коммерческий риск; (2) включение клаузулы о сохранении титула на собственность представляло обеспечение против требований кредиторов иных, чем налоговые власти; (3) «Газус» мог устранить риск потери, отказавшись предоставить кредит «Атласу»; (4) он мог получить дополнительное обеспечение, например, соответствующим образом застраховав имущество; и (5) «Газус» разрешил нахождение бетономешалки в помещениях «Атласа».

136. Это дело иллюстрирует то, что хотя Суд применяет тот же стандарт проверки справедливого равновесия между требованиями интересов общества и требованиями защиты основных прав личности к налоговым мерам, как и к другим формам вмешательства в право собственности, государству предоставляется усмотрение в особо широких рамках по такого рода делам.

Возмещение

137. Как было отмечено выше⁸⁵, статья 1 Протокола № 1 прямо не требует выплаты компенсации за изъятие собственности или иного вмешательства в право собственности. Но в случае изъятия (или лишения) собственности, требование о компенсации обычно подразумевается. См., например, решение суда по делу *Джеймс против Соединенного Королевства*⁸⁶, в котором Суд заметил, что: «...в правовых системах договаривающихся государств изъятие собственности в интересах общества без выплаты компенсации считается допустимым только при исключительных обстоятельствах, не имеющих отношения к целям настоящего дела. Что касается статьи 1 [Протокола № 1], то защита права собственности, которую она предоставляет, будет в основном иллюзорной и неэффективной в отсутствие какого-либо равнозначного принципа. Совершенно ясно, что условия компенсации являются существенным фактором при оценке, в какой мере оспариваемое законодательство обеспечивает справедливое равновесие между различными интересами, поставленными на карту, и в особенности, не возлагает ли оно несоразмерное бремя на заявителя ...» (п. 54).

138. Доступность компенсации также является относимым фактом при оценке соразмерности иных (меньших по масштабу) форм вмешательства в право собственности.

139. Примером, когда Суд принял во внимание отсутствие компенсации в связи с вмешательством в право собственности, приближавшееся к ее лишению, было решение по делу *Шасаню против Франции*⁸⁷. По этому делу заявителями

---

⁸⁵ См. выше, пункт 97.

⁸⁶ А 98 (1986 год), пункт 54; решения Суда по делам: *Литгоу против Соединенного Королевства* А 102 (1986 год), пункт 120; *Святые монастыри против Греции* А 301-А (1994 год), пункты 70-75; *Хентрих против Франции* А 296-А (1994 год), пункт 48; «*Прессос Компания Навьера А.О.*» *против Бельгии против Бельгии* А 332 (1995 год), пункт 38; *Гийемен против Франции* 1997-I (1997 год), пункты 52-57.

⁸⁷ 29 апреля 1999 года, пункт 82 решения. См. также решения Суда по делам: *Спорронг и Лоннрот против Швеции* А 52 (1982 год), пункт 73; *Имобилиаре Саффи против Италии* (28 июля 1999 года), пункты 56 и 57.

были собственники земли, которые согласно французским законам имели исключительное право охотиться на собственных землях. Это право было частью права собственности на землю. Но французские власти посчитали, что было бы выгодней собрать воедино мелких владельцев земель и создать ассоциацию, предоставляющую всем в ней участвующим общие права на охоту. Власти сделали членство в ассоциации для владельцев земли, таких как заявители, обязательным, с уступкой их исключительных прав на охоту на их землях другим членам ассоциации.

140. Заявители (которые были активистами движения в защиту животных и противниками охоты) утверждали, что принудительная передача прав на охоту противоречит статье 1 Протокола № 1.

141. На слушаниях перед Судом было достигнуто согласие относительно того, что в данном случае применяется третья, имеющая дело с контролем за использованием собственности, норма. Что касается интересов общества, то заявители утверждали, что закон был принят только в интересах охотников, а тем самым – не в интересах общества. Суд отверг этот довод. Он постановил, что французские власти были вправе полагать, что отказ от нерегулируемой охотничьей деятельности был в общих интересах.

142. Что касается вопроса о соразмерности, то Суд постановил, что справедливое равновесие по отношению к заявителям, которых обязали передать свои права на охоту с тем, чтобы дать возможность другим охотиться на их землях, при том, что они по морально-этическим соображениям отвергали охоту, было нарушено. В частности, Суд отметил отсутствие какой-либо компенсации (правительство полагало, что возможность охотиться на землях, принадлежащих другим, будет достаточной компенсацией для владельцев земли, таких как заявители, но это не удовлетворяло заявителей, которые не хотели охотиться вообще). Ввиду данных обстоятельств право собственности заявителей, как оно гарантируется статьей 1 Протокола № 1, было нарушено.

143. В тех случаях, когда необходима выплата компенсации с тем, чтобы удовлетворить требованию соразмерности, это необязательно должна быть при всех обстоятельствах полная компенсация. Законные цели, преследуемые в «интересах общества», такие как преследуемые в реализации экономической реформы или при реализации мер, направленных на достижение большей социальной справедливости, могут допускать выплату возмещения в объеме меньшем, чем полная рыночная стоимость. Но при этом сумма компенсации должна, по меньшей мере, в разумной степени соотноситься со стоимостью собственности⁸⁸.

144. По делу *Литгоу против Соединенного Королевства*⁸⁹, заявителями были кораблестроительная и самолетостроительная компании, средства которых были национализированы. Они не оспаривали то, что у государства была законная цель для изъятия собственности, но утверждали, что выплаченная компенсация была сильно несоразмерна. Британское правительство установило систему выплат

---

⁸⁸ Решения Суда по делам: *Джеймс против Соединенного Королевства* А 98 (1986 год), пункт 54; *Святые монастыри против Греции* А 301-А (1994 год), пункт 71.

⁸⁹ А 98 (1986 год).

компенсации, при которой акции заявителей (которые были национализированы) были оценены по ставкам трехлетней давности на момент передачи акций. Позиция правительства состояла в том, что такой порядок был принят с тем, чтобы избежать назначения цены, на размеры которой искусственно повлияла осведомленность о предстоящей национализации. Заявители же утверждали, что дата оценки стоимости должна была бы быть приближена к дате передачи собственности, поскольку стоимость акций на самом деле пошла вверх. Заявители указали на тот факт, что в общем международном праве при подобного рода ситуациях датой оценки стоимости признается дата изъятия или передачи собственности.

145. Суд согласился с Комиссией в том, что «изъятие собственности без возмещения в сумме, разумно соотносящейся с ее стоимостью, обычно образует несоразмерное вмешательство в право собственности, которое не может быть оправданным по статье 1. Статья 1, однако, не гарантирует какого-либо права на полную компенсацию при любых обстоятельствах, поскольку законные цели, преследуемые в «интересах общества» при реализации экономической реформы или при реализации мер, направленных на достижение большей социальной справедливости, могут допускать выплату возмещения в объеме меньшем, чем полная рыночная стоимость» (п. 121).

146. Следует обратить внимание на то, что, Суд также заявил, что стандарт компенсации может варьироваться в зависимости от характера собственности и обстоятельств ее изъятия. Стандарт компенсации, применяемый по делу о национализации может отличаться от стандарта, применяемого в отношении другого рода изъятий собственности, например, принудительное отчуждение земли в общественных целях (п. 121).

147. Суд постановил (отвергнув доводы заявителей), что концепция «широкого усмотрения государства» применима не только в вопросе о соответствии национализации интересам общества, но также в выборе условий компенсации. Суд заметил, что «...полномочие Суда по пересмотру обжалуемых решений по данному делу ограничено установлением того, в какой мере решение о компенсации вышло за широкие рамки усмотрения Соединенного Королевства; он согласится с суждением законодательного органа по этому вопросу, если только это суждение не было явно без разумного основания» (п. 122).

148. Заявители также полагались на требование второго предложения статьи 1 о том, что лишение собственности должно отвечать условиям, предусмотренным «общими принципами международного права». Они утверждали, что это требование означает, что выплачиваемая им компенсация должна быть «адекватной, быстрой и эффективной», как это требуется общими принципами международного права. Но Суд отверг этот довод. Он заметил, что в соответствии с самими принципами международного права, это требование применяется только по отношению к не-гражданам страны. Если посмотреть в *travaux preparatoires* по статье 1, становится ясно, что государства намеревались эту фразу применять только по отношению к не-гражданам страны.

Правовая определенность

149. Вмешательство в право собственности должно также удовлетворять

требованию **правовой определенности или законности**⁹⁰. Это прямо заявлено во втором предложении первого пункта статьи 1 в отношении лишения собственности: изъятие имущества должно производиться «на условиях, предусмотренных законом». Но принцип правовой определенности присущ Конвенции в целом, и это требование должно быть удовлетворено, вне зависимости от того, какая из трех норм применяется.

150. По поводу того, что означает принцип правовой определенности, см. решение Суда по делу *Винтерверп против Нидерландов*⁹¹. Это дело касалось права на свободу, гарантированного статьей 5 Конвенции, и права на справедливый суд, гарантированного статьей 6. Заявитель был помещен в психиатрическую лечебницу. Он содержался под стражей по ордерам суда, которые периодически проверялись, но его не уведомляли о вводимом производстве и не разрешали участвовать в нем или быть представленным адвокатом. В нескольких случаях его ходатайства об освобождении из-под стражи прокурором в суд не направлялись. В результате своего заключения под стражу заявитель автоматически утратил право управлять своей собственностью.

151. Европейский Суд по правам человека установил нарушение статьи 5 в том, что заявитель не мог добиться судебной проверки законности и обоснованности своего содержания под стражей, и он не имел возможности быть выслушанным судом. Далее, отказ в его праве управлять своим имуществом без предоставления ему возможности судебного слушания по его делу противоречило статье 6 Конвенции.

152. Одним из вопросов, которые должен был решить Суд в отношении действия статьи 5, осуществлялось ли содержание заявителя под стражей «в порядке, установленном законом»⁹². Суд заявил, что эта фраза отсылает к внутреннему праву страны; фраза означает необходимость соблюдения соответствующего порядка в соответствии с таким правом. Но внутреннее право само должно соответствовать Конвенции, включая общие принципы выраженные в нем или им подразумеваемые. Идея, из которой исходит данный термин, это идея справедливого и надлежащего порядка, а именно состоящего в том, что любая мера, в результате применения которой человека лишают его свободы, должна быть утверждена и исполнена надлежащей властью и не должна быть произвольной.

153. Суд также заметил, что «в демократическом обществе, признающем принцип верховенства права, ни одно решение, которое является произвольным, ни при каких условиях не может считаться правомерным» (п. 39). Тот же принцип применяется в отношении статьи 1 Протокола № 1.

154. Недавнее дело, в решении по которому было подчеркнута важное значение принципа законности или правовой определенности, это *Иатридис против Греции*⁹³. Как было указано выше⁹⁴, это было дело, заявитель по которому

---

⁹⁰ См. выше, пункт 18.

⁹¹ А 33 (1979 год), пункт 45 решения.

⁹² См. статью 5 Конвенции.

⁹³ 25 марта 1999 года, пункт 58 решения.

⁹⁴ См. выше, пункт 42.

эксплуатировал кинотеатр под открытым небом, с территории которого он был выдворен и который был принудительно отчужден и передан муниципальным властям. Суд постановил, что клиентура кинотеатра образует актив, охраняемый статьей 1. Он затем проанализировал данное вмешательство в право собственности в контексте первой нормы статьи 1.

155. Суд заметил, что ордер о выдворении заявителя с территории кинотеатра был отменен греческим судом (несмотря на факт, что законность вещного права заявителя на землю никогда не признавалась). Это случилось двумя годами раньше, и все же заявителю землю не вернули. При этих обстоятельствах Суд не преминул сделать экспрессивное заявление о необходимости государств соблюдать принцип законности или правовой определенности. Как заметил Суд, если это требование не выполняется, нет нужды исследовать обстоятельства дела дальше и изучать вопрос о правомерности цели государства или вопрос о соразмерности: «Суд еще раз подтверждает, что наипервейшее и важнейшее требование статьи 1 Протокола № 1 состоит в том, что любое вмешательство государственной власти в беспрепятственное пользование имуществом должно быть правомерным: второе предложение первого пункта разрешает лишение имущества только «на условиях, предусмотренных законом», и второй пункт признает, что государства располагают правом контролировать использование собственности исполнением «законов». Более того, верховенство права, один из фундаментальных принципов любого демократического общества, присущ всем статьям Конвенции... и из него вытекает обязанность, лежащая на государстве или органе государственной власти, подчиняться судебным приказам или решениям, принятым против него... Из этого следует, что вопрос о соблюдении справедливого равновесия между общими интересами общества и требованиями защиты основных права личности ... становится релевантным только после того, как установлено, что обжалуемое вмешательство в право собственности удовлетворяет требованиям правомерности и не является произвольным» (п. 58).

156. По делу *Иатридиса*, заявил Суд, невозвращение земли заявителю «явно» нарушило греческий закон, и тем самым – статью 1 Протокола № 1; при этом иные вопросы даже не рассматривались⁹⁵.

157. Для того чтобы отвечать принципу правовой определенности, действия государства (или органа государственной власти) должны соответствовать адекватно доступным и достаточно четко сформулированным правовым нормам, которые отвечают существенным требованиям концепции «права». Это означает не только то, что обжалуемое вмешательство в право собственности должно основываться на каком-то положении внутреннего законодательства, но и то, что должен быть справедливый и надлежащий порядок, а именно, чтобы оспариваемая мера устанавливалась бы и приводилась бы в исполнение надлежащим органом власти и не была бы произвольной⁹⁶.

---

⁹⁵ Пункт 62 решения.

⁹⁶ Решения Суда по делам: *Литгоу против Соединенного Королевства* А 102 (1986 год), пункт 110; *Винтерверп против Нидерландов* А 33 (1979 год), пункты 45 и 39; *Спачек против Республики Чехия* (9 ноября 1999 года), в котором Суд заметил, что, говоря о «законе», Статья 1 Протокола № 1 имеет в виду концепцию, воспринятую всей Конвенцией, а именно закон, как понятие, объединяющее статутное право и

158. Эти требования иллюстрируются решением Суда по делу *Хентрих против Франции*⁹⁷. Г-жа Хентрих приобрела участок земли в Страсбурге за 150000 французских франков. Ее затем уведомили, что казначейство хочет прибегнуть к праву преимущественной покупки, то есть право приобрести собственность на том основании, что оно сочло, что цена, которую уплатила, была слишком низкой. Состязательного производства, в ходе которого г-жа Хентрих могла бы привести доводы о том, что цена, которую она заплатила, не была слишком низкой, не было.

159. Г-жа Хентрих утверждала, что ее собственность была *de facto* отчуждена, и это не оспаривалось. Она утверждала, что система преимущественного права государства на приобретение собственности не была в интересах общества, если она применялась, как это было в ее деле, когда вопрос о недобросовестном приобретении или умысле на уклонение от уплаты налогов не поднимался. Европейский Суд по правам человека отверг этот довод, сославшись на «усмотрение в широких рамках», предоставленное государствам при оценке, что составляет интересы общества.

160. Суд затем принял важное постановление по вопросу о правомерности действий государства. Он постановил, что «...реализация права государства на преимущественную покупку проводилась произвольно и выборочно и не была достаточно предсказуемой; она не сопровождалась предоставлением основных процессуальных гарантий. В частности, статья 668 Кодекса законов об общих налогах, как она до тех пор толковалась Кассационным судом и как она была применена в отношении заявителя, недостаточно удовлетворяла требованиям точности формулировок и предсказуемости, предполагаемым концепцией «закона» по смыслу Конвенции.

Решение о приведении в действие права на преимущественную покупку не может быть законным в отсутствие состязательного производства, которое отвечало бы требованиям равенства возможностей и которое дало бы возможность привести доводы относительно заниженности цены на землю и, следовательно, позиции казначейства – всех элементов, в данном деле отсутствующих» (п. 42).

161. Суд затем перешел к оценке соразмерности, и заявил, что для таковой оценки он должен изучить степень защищенности от произвола. Суд установил, что достаточной степени защищенности не было: он заметил, что г-жа Хентрих была выборочным объектом процедуры приведения в действие права на преимущественную покупку, которая использовалась редко. Не было гипотез о том, что она действовал недобросовестно, и что существовали иные средства, доступны государству, для борьбы с уклонением от уплаты налогов (например, возбуждение производства о взыскании неуплаченных налогов). При этих обстоятельствах Суд нашел, что г-жу Хентрих вынудили «нести особое и чрезмерное бремя»⁹⁸.

прецедентное право. Оно предполагает такие требования, как, в первую очередь, доступность и предсказуемость (пункт 54 решения).

⁹⁷ А 296-А (1994), пункт 42 решения.

⁹⁸ Пункт 49.

162. Решение по этому делу очень важно, в особенности, ввиду того, что в нем подчеркивается необходимость в справедливом порядке и требование о недопустимости произвольных действий государства – как ввиду принципа законности, так и ввиду установки на соразмерность.

V. ДРУГИЕ ВОПРОСЫ

Сочетание статьи 1 Протокола № 1 со статьей 14

163. По некоторым делам может и не быть нарушения статьи 1 Протокола № 1, взятой отдельно, но может быть ее нарушение, когда ее применяют по делу в сочетании со статьей 14 Конвенции (которая запрещает какую-либо дискриминацию личности при пользовании правами и свободами, признанными в Конвенции)⁹⁹.

164. Решение Суда по делу *Маркс против Бельгии*¹⁰⁰ дает пример такой возможности. Как было указано выше, это было дело, предметом рассмотрения которого было законодательство, устанавливавшее дискриминационные условия в отношении внебрачных детей, и *inter alia* оно устанавливало ограничения на право матери завещать свое имущество своему внебрачному ребенку. Европейский Суд по правам человека постановил, что такое положение является вмешательством в ее право собственности по статье 1 Протокола № 1, взятой в сочетании со статьей 14 Конвенции (хотя не имело места нарушения статьи 1 Протокола № 1, взятой отдельно)¹⁰¹.

165. Решение Суда по делу *Лингвистик белж (дело № 2) А 6 (1968 год)*¹⁰² устанавливает общие принципы, применимые к статье 14 Конвенции. По данному делу ряд франко-говорящих родителей из Бельгии подали жалобу на то, что различные положения бельгийских законов об использовании языков в системе образования нарушают, *inter alia*, право на уважение личной и семейной жизни (статья 8) и право на образование (статья 2 Протокола № 1), взятые вместе со статьей 14, в том, что эти положения лишают общественной поддержки и признания школ с обучением на французском языке в определенных районах, обозначенных как использующие фламандский язык. Рассматривая это дело, Суд четко установил, что та или иная обжалуемая мера, которая, взятая отдельно, согласуется с требованиями какой-либо статьи, может считаться нарушением этой статьи, взятой в сочетании со статьей 14, ввиду дискриминационного характера этой меры.

---

⁹⁹ В статье 14 говорится: «Пользование правами и свободами, признанными в настоящей Конвенции, должно быть обеспечено без какой-либо дискриминации по признаку пола, расы, цвета кожи, языка, религии, политических или иных убеждений, национального или социального происхождения, принадлежности к национальным меньшинствам, имущественного положения, рождения или любым иным обстоятельствам».

¹⁰⁰ А 31 (1979 год). См. также решение Суда по делу *Инце против Австрии* А 126 (1987 год), более подробно упомянутому выше, в сноске 30.

¹⁰¹ Пункт 65 решения.

¹⁰² А 31 (1979 год).

166. Но Статья 14 не воспрещает каждое различие в подходах к вопросу при осуществлении прав и свобод, гарантированных Конвенцией. Принцип равенства обращения с личностью нарушается только, **если конкретное различие не имело под собой объективного и разумного обоснования**. Различие в обращении с личностью должно иметь перед собой законную цель, и должно существовать отношение **соразмерности** между используемыми средствами и целью, которую хотят достичь.

Длющиеся нарушения

167. Европейский Суд по правам человека признал существование концепции **длящегося нарушения** права собственности. Подход на основе этой концепции может быть использован в отношении изъятий собственности, которые имели место до того, как Российская Федерация признала юрисдикцию Европейского Суда по правам человека.

168. Хорошей иллюстрацией по данному вопросу является решение Суда по делу *Лоузиду против Турции*¹⁰³. По этому делу заявительницей была гречанка-киприотка, которая жаловалась на нарушение статьи 1 Протокола № 1 в отношении дома, которым она владела в северной части Кипра, и которая была вынуждена оставить после турецкой оккупации этой части острова в 1974 году. Она утверждала, что она на длящейся основе была лишена доступа к своей собственности турецкими вооруженными силами.

169. Турецкое правительство утверждало, *inter alia*, что она не вправе заявлять требования, поскольку вмешательство в ее право собственности имело место до 1990 года, когда Турция признала юрисдикцию Европейского Суда по правам человека в отношении событий, которые имели место после такого признания. Суд напомнил, что он уже принял на вооружение понятие длящегося нарушения в своем решении по делу *Папамихалопулос против Греции*¹⁰⁴, и определил влияние этого понятия на ограничения компетенции органов Конвенции во времени. Настоящее дело касалось длящегося нарушения, при условии, что заявительница для целей статьи 1 по-прежнему могла считаться юридическим собственником земли. Суд нашел, что она могла считаться таковой и что конституционный «закон», принятый «Турецкой Республикой Северный Кипр», который имел целью лишить ее титула на ее собственность, не мог считаться действительным законом.

170. Суд далее определил, что заявительнице начиная с 1974 года было отказано в праве доступа к земле, она фактически полностью утратила над ней контроль, равно как и возможность пользоваться собственностью. Это не было лишением собственности или контролем за ее использованием при исключительных обстоятельствах. Вопрос должен рассматриваться в рамках первого предложения статьи 1: это было вмешательство в беспрепятственное пользование ее имуществом. Суд заметил, что фактическая невозможность осуществления этого права является таким же нарушением Конвенции, как и препятствие юридического характера. Турецкое правительство не пыталось

---

¹⁰³ 1996-VI (1996 год).

¹⁰⁴ А 260-В (1993 год); см. выше, пункты 69—72.

привести аргументы, оправдывающие обжалуемое вмешательство, и потому нарушение статьи 1 Протокола № 1 имело место.

Применение гарантий права собственности в отношениях между частными лицами

171. Ясно, что применение гарантий права собственности, предусмотренных в статье 1 Протокола № 1, не ограничивается случаями вмешательства в право собственности, связанное с передачей каких-либо выгод государству. Эту статью можно применять в отношении мер, предпринимаемых государством (или органом государства), которые влияют на права собственности личности тем, что передают их другому частному лицу или иным образом создают выгоду для другого лица или лиц, либо иным образом регулируют собственность лица.

172. См., например, решение Суда по делу *Джеймс против Соединенного Королевства*¹⁰⁵, предметом которого было законодательство, позволявшее арендаторам-жильцам приобретать у домовладельцев права владения собственностью, на которой они проживали. См. также заявления №№ 8588/1979, 8589/79 «*Брэймлид и Мальстром против Швеции*»¹⁰⁶, относящиеся к законодательству, регулирующему отношения между акционерами и компанией.

---

¹⁰⁵ А 98 (1986 год); см. выше, пункты 90—99, в которых это дело анализируется подробнее.

¹⁰⁶ (1982 год); см. выше, пункты 23—27.